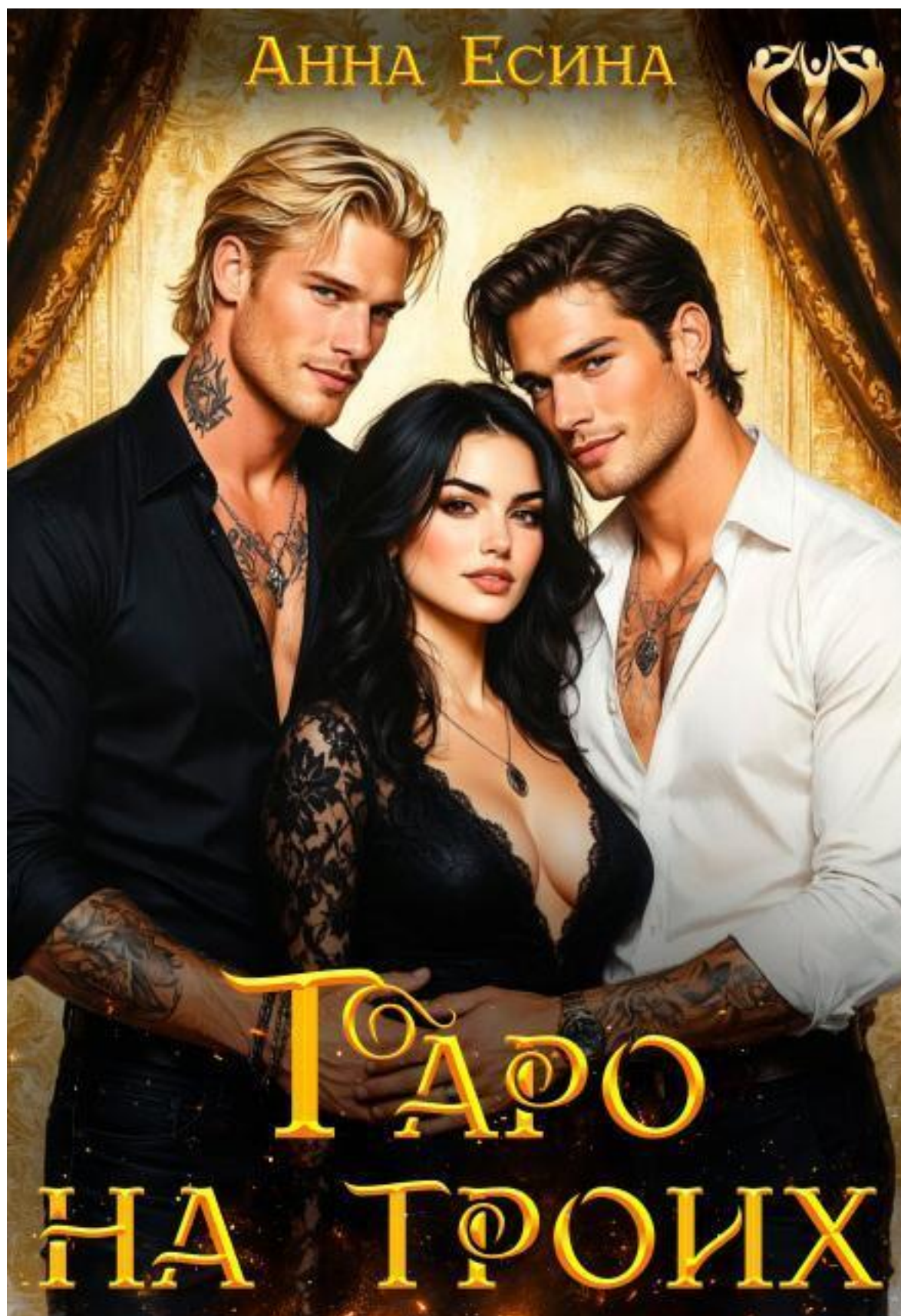

АННА ЕСИНА

Анна Есина

Таро на троих

«Литнет»

2026

Есина А.

Таро на троих / А. Есина — «Литнет», 2026

Перед вами ловкая мошенница: обещает клиентам встречу с душами умерших, берётся за написание астрологических гороскопов, практикует все виды гадания и ворожбы, а сама ловко вытягивает деньги из чужих карманов. Но в день рождения судьба преподносит ей подарок, от которого не отвертеться – потрёпанную книжонку, оказавшуюся магическим гримуаром. Одно случайное заклинание – и в комнате материализуются два демона-инкуба. Красивые, наглые, беспощадно соблазнительные, они привязаны к ней крепче приворотного зелья: книга-то сгорела, а нерушимая связь осталась. Остроумный эротический фэнтези-роман, где каждая глава – это новое испытание нервов, юмора и постельного белья. Книга пишется в рамках литмоба "Во власти братьев";

© Есина А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Предисловие

Литмоб «Во власти братьев»: погрузитесь в мир фэнтези, где кипят страсти!

Дорогие читатели!

Хотите на время забыть о реальности и окунуться в мир, где магия — не просто слово, а сама суть бытия? Где каждый поворот сюжета держит в напряжении, а герои заставляют сердце биться чаще? Тогда вам точно к нам!

Приглашаем вас принять участие в захватывающем литмобе «Во власти братьев» — уникальном событии для ценителей:

яркого фэнтези;

харизматичных персонажей;

неожиданных сюжетных поворотов;

чувственных сцен, от которых замирает дыхание.

Почему стоит присоединиться именно сейчас?

Каждый день — новая история. Никогда не знаете, что ждёт вас за следующим поворотом: головокружительная романтика, эпические сражения или тайные интриги.

Мир, созданный для вас. Авторы чутко прислушиваются к пожеланиям читателей — ваши фантазии становятся реальностью на страницах произведений.

Незабываемые эмоции. От трепетного волнения до бурного восторга — вы пройдёте через весь спектр чувств вместе с героями.

Атмосфера волшебства. Здесь воздух пропитан магией, а каждая деталь заставляет поверить: этот мир существует на самом деле.

Что вас ждёт:

могущественные братья с непростыми судьбами;

запутанные интриги и опасные тайны;

страсть, от которой пылает кровь;

финал, который вы запомните надолго.

Не упустите шанс стать частью этого невероятного приключения!

Присоединяйтесь к литмобу «Во власти братьев» прямо сейчас — откройте дверь в мир, где правят магия, страсть и безграничные возможности!

Пролог

Полдень. Солнце стояло в зените, и воздух дрожал от запахов: сочной травы, мятного сиропа, девичьих духов. Мне сегодня исполнилось двадцать пять – ровно столько, сколько в руках ромашек, которые нарвала, чтобы сплести себе венок.

– Гера, держи мобильный, – закричала Лера, потащив меня в круг. – Будем снимать slow-mo, как ты задуваешь свечи!

– Мобильный спрячь, – ответила. – Сегодня запрет на гаджеты. Только цветы, живое общение и тёплое вино.

Галина, самая дерзкая из моих подруг, фыркнула:

– С тёплым вином в корне не согласна!

Вовка подсутилсЯ и всех снабдил пластиковыми стаканами с дешёвым пойлом. Вздёрнула руку ввысь и провозгласила:

– С юбилеем имени меня!

Мы расселись на выцветшем клетчатом покрывале. «Столom» нам служил ещё один плед, а на нём – выпивка в картонных коробках, клубника в сметане, бутерброды с заветренной колбасой, вспоротая ножом банка шпрот, несколько яблок, и торт «Медовик», который я пекла вчера до полуночи.

Портативная колонка подвывала:

«I was twenty-five, I was bored and alive...»

Слова отдавались в груди эхом, будто кто-то постучал изнутри: «Ты действительно жива?» Будь спок! Всё нормалёк!

– Женькина очередь задвигать тост! – хлопнула в ладоши Аня, моя подруга детства. – Только без загогулин!

Поднялась почему-то Лера, пригладила юбку-карандаш, вся такая «я-выпускница-факультета-упрямых-сучек», и протянула мне сверток, обёрнутый газетной бумагой и перетянутый обычной бельевой верёвкой вместо ленты. Я нашу гулянку обозвала «вечеринка на минималках», потому как финансовых трудностей нынче наметилось выше крыши.

– Это от меня, – вручила мне подарок. – Говорят, книги возвращаются к тем, кто умеет читать между строк.

Я с любопытством развернула. Пахнуло плесенью и чем-то сладким, как будто страницы пропитаны старым вареньем. На обложке – потрескавшийся кожаный переплёт, без названия. Лишь едва различимый знак: окружность с треугольником внутри.

– Лер, ты где это откопала?

– На барахолке у вокзала. Бабка продала за гроши и шепнула: «Не читай вслух». Мне показалось, это про тебя.

Анька вырвала книжонку, полистала.

– Тут язык какой-то древний. Латинский? Армянский?

Забрала презент на родину.

– Греческий с примесью... – я поводила пальцем по буквам, и холодок скользнул по коже. – ...заклинаний.

ЖенЯ расхохотался:

– Ну-ка, Шамаханская царица, моргни глазом. Сделай так, чтобы вино превратилось в шампанское.

– И чтобы мой бывший обернулся тараканом, хотя он и так, тьху! – поддакнула Лера.

Все грянули хохотом, с удовольствием выпили.

Гера, к которому книга перекочевала по кругу, встал над блюдом с закусками, поднял книгу как фанфару и зычным басом зачитал вслух:

– Дамы и господа! Сегодня именинница получает дар бессмертия! Читаем вместе!

– Жек, не надо, – я попробовала остановить сей спектакль, но поздно.

Он громко, с театральным выбросом, продекламировал:

«Εὐὼ εἶμι ἡ κλῆσις τοῦ σκότους καὶ τοῦ φωτός, ἀκούσατέ μου, δαίμονες τοῦ πόνου...» [«Эго эйми и клесис ту скотус ке ту фотос, акисате мэ, дэймонэс ту потю...» – русская транскрипция заклинания. Дословный перевод с древнегреческого:

«Я – призыв тьмы и света, услышьте меня, демоны страсти/желания» – *здесь и далее примечание автора*].

Ветер посypyвал венки с беспутных голов. Солнце будто потускнело на доли секунды. Воздух спрессовался, словно кто-то вливал в него мёд. У меня по коже пробежал холодок и тычком отозвался в груди.

Потом наступила гнетущая тишина. Секунда, другая... Ничего не происходило, и Лера хлопнула в ладоши:

– Джеки, ты нас всех проклял!

– Нет, просто сделал Стаське сюрприз, – Жека подмигнул. – Ну как, почувствовала силу?

Я нацепила лицемерную улыбку, но в глазах потемнело. Точнее, помигало, точно за спиной кто-то дотронулся до моей тени и оторвал кусочек.

Торт разрезали на куцые треугольники. Вино лилось во все стороны. Кто-то включил новый трек, и ритм ударил в виски. Мы танцевали босиком по траве, и венки разлетались по всей поляне.

В какой-то момент изловчилась незаметно от остальных спрятать книжонку в сумку.

«Позже», – подумалось. «Всё узнаю позже».

Но уже когда солнце перевалило за кроны берёз, я услышала, как позади шепчут незнакомые голоса. Один – будто тёмный ром, налитый на бархат: низкий, хриплый, с дымкой, что ласкает кожу и заставляет нутро сжиматься Другой – всё такой же хрипло-шёлковый, но в другой тональности. В нём играл тёплый ветер: сексуальный, с лёгкой улыбкой в тембре, что дразнит и манит.

– Думаешь, убежишь? – сипло.

– Думаешь, это подарок? Это кредит под очень высокий процент, – с весёлостью.

Я обернулась. Никого. Только поле, только праздник, только мои друзья и сладость июльского вечера. Но внутри – уже не тишина.

«Да», – подумала с сожалением. «С днём рождения, Стася!»

Глава 1

Прямой эфир в сети длился уже сорок минут. За это время успела зачитать недельный гороскоп для всех знаков зодиака, отсидела энное место и возненавидела своё отражение. Дабы соответствовать образу непревзойдённой Азизы Туман (запоминайте – это мой сценический псевдоним), приходилось портить кожу обилием декоративной штукатурки. Сейчас на мне три слоя тонального крема цвета залежалой покойницы, глаза напоминают два провала в inferнальные пустоши – их я рисую угольно-черным карандашом, – губы алеют матовой помадой, которая взялась плотной коркой и вызывает постоянное желание облизнуться.

В чат прилетел вопрос от подписчицы с ником @kate_witch: «От меня ушёл муж. К бывшей!!! Азизочка, помогите!»

– Дорогая моя Кейти_Ведьма! К сожалению, я слишком мало знаю о вашей проблеме, – поправила чёрный атласный бант на шее и добавила в привычное эфемерное щебетание нотку сочувствия. – Запишитесь ко мне на личный приём или онлайн-консультацию. Мы непременно найдём выход из вашей непростой ситуации. Вполне возможно, мы здесь имеем дело с банальным приворотом. Исходя из своего опыта, могу с уверенностью заявить – мужчины просто так не возвращаются к тем, с кем их развела судьба.

Чат взорвался сердечками, а я мысленно приписала себе ещё одну клиентку сеансов, этак, на пять – доподлинно известно, что после снятия приворота необходимо очистить карму, провести полную ревизию энергетических потоков и зарядить амулет на удачу на стезе Амура. Пожалуй, посулю бедной разведенке скидку в пятнадцать процентов. Пускай порадуетесь первой победе.

@dima_dark живо отреагировал на моё упоминание магического аркана сообщением: «А можно заказать у вас приворот на девушку?»

Высокомерно улыбнулась в камеру.

– Дорогой Дмитрий, заказать, увы, нельзя. Я не бюро доставки и не курьерская служба по исполнению желаний. Мой крест – контакт с душами умерших, через которых я довожу до вас информацию из потустороннего мира. Случается, что эти сведения оказываются полезными. Именно сейчас, – изобразила сосредоточенность и сдвинула пальцами виски, якобы вслушиваясь в визги полтергейстов, – да-да, мне вкратце пояснили вашу проблему. Безответная любовь. Как печально. А девушка-то, между прочим, невероятно хороша собой!

Снова реакция подписчиков и десятки лайков.

– Дмитрий, я возьмусь за ваш случай. Свяжитесь со мной после эфира, обсудим нюансы.

Наивный дяденька отправил мне в чат палец вверх. Заулыбалась мысленно. Ещё один попался на крючок.

– Что ж, предлагаю заканчивать. Отвечу на последний вопрос и... А вот и он!

@lena_gothic интересовалась, правда ли я ведьма в третьем поколении. Ну, конечно, моя пустоголовая почитательница! Мама продавала шаурму на рынке, бабка бесконечно ругалась с соседями по пустыкам. Но легенда об именитых предках звучит лучше. Легенда – это клей, который держит мой образ. Азиза Туман впитала всю мудрость матери-ведуньи и переняла дар врачевателя у травницы Авдотьи Егоровны, а от рождения отмечена талантом к общению с душами умерших и прекрасно подкована в вопросах ясновидения, яснознания и яснопонимания вкупе с яснослышанием. Короче, вся эта кучерявая петрушка в инфо-цыганском стиле.

Отделалась уже привычным ответом с лёгким налётом таинственности. Медленно задула свечу на столе и незаметно погасила яркий свет, что бил прямо в лицо на протяжении всей съёмки. Изображение на экране почти полностью растворилось во мраке.

– Помните: мой свет гаснет, но ваша искра остаётся. Носите её в кармане – и пусть ночь боится вас больше, чем вы боитесь её. До встречи за гранью очередного сна! – попрощалась с аудиторией и остановила трансляцию.

Тут же вышла из-за стола, сложила пополам и потянула руки к полу, чтобы размять затёкшую спину. Первым делом помчалась смывать траурный макияж – щёки уже не просто горели, они выли чесоткой, потому пришлось наложить толстый слой успокаивающего крема.

Затем засела за изучение расписания на завтра. Так, с утра у меня спиритический сеанс с Инессой: легкотень, она доверчива, как годовалый малыш, сама задаст покойному дедушке все интересующие вопросы и подскажет ответы в случае чего. Гарантированные две тысячи рублей.

Далее на полдень была записана некая «Юлианна, гадание на картах» и ниже стоял номер телефона. Значит, барышня позвонила и назначила встречу. Чёрт, не люблю таких конспираторов. Если попадают ко мне через соцсети, там хотя бы минимум информации можно найти: имена родственников, фото близких друзей, разузнать вкусы и предпочтения. А что сказать о человеке по голосу? Разве что оценить уровень образования и навык общения. Эх, придётся подготовиться как следует!

И тут меня осенило! А не достать ли из заглазника ту книжечку, что подарила мне Лерка на день рождения? Почти полгода вещичка прозябает без дела в глубине антресолей – негоже, правда?

Полезла за древним томиком без особого желания. Чем-то мне не понравился этот сувенир. Напугал или насторожил. А те шёпотки, что сопровождали до конца лета? При одной мысли о них морозец пробежал по коже.

Но надо же произвести впечатление, мол, я не шарлатанка какая приبلудная, а полноценная магия в энном поколении с душой, древней, как сама вселенная. И такими же аксессуарами. Вот и гримуар имеется, всамделишный, комар носа не подточит.

А вечером следующего дня у меня намечалось два гадания на картах – ещё лучше! Мрачноватый расклад на прошлое, тревожный для настоящего, и умеренно оптимистичный на будущее. Плюс три тысячи в мою копилочку.

Мысленно потирая руки, отыскала завёрнутую в газету книжку, смахнула пыль и отнесла на рабочий стол. Разворачивать не стала. Затылок снова царапнуло нехорошее предчувствие. Так что с ощущением выполненного долга отправилась спать.

Утро пролетело в спешных сборах: жуткий чёрный балахон наподобие рясы священника, в тон ему линзы, от которых отчаянно слезились глаза, и боевой раскрас в стиле трупешника. Волосы я распустила феном и сбрызнула у корней лосьоном для ультрафильтрации, чтобы казаться истинной ведьмой.

Наспех позавтракала хлопьями и направилась в рабочий кабинет, где следовало навести последний лоск. От ритуальных ноток в интерьере я отказалась в прошлом году, когда одной бабушке стало плохо с сердцем. Так перепугалась, что та двинет кони прямо посреди сеанса предсказания, что посрывала со стен всю драпировку и убрала жалюзи с окна.

Кабинет у меня – не подвал с паутиной, а бывшая спальня на солнечной стороне дома. Большое окно, сквозь которое свет льётся так, что пылинки превращаются в золотых танцоров. Пол – старый янтарный паркет, который щедро пахнет смолой, когда нагревается. По утрам солнце рисует на досках ломаную мозаику.

Стол – не мрачный алтарь, а обычный кухонный помощник, выкрашенный в тёплый каштан. На нём: кофейная турка с остатками гуши, тарелка с засахаренным имбирём и горсть косточек абрикоса – «для веселья», как люблю шутить в разговоре с клиентами. В углу стоит дородный кактус.

Полки – белые, деревянные, с книгами вроде «Цветочный символизм», «Мифы солнечных племён», «Секреты нумерологии», «Вдумчивая хиромантия» и прочее. Под потолком –

балка, с которой свисают сушёные апельсиновые дольки: они пахнут сладостью и вспыхивают в лучах, будто миниатюрные фонарики.

На подоконнике – кувшин с водой и пара гладких камешков. Свет отражается в воде и танцует на потолке волнистыми бликами, будто кто-то крутит прожектор. Льняной занавес цвета сливочной карамели чуть просвечивает, и каждый ветерок словно придаёт комнате дыхание.

Пахнет здесь не ладаном, а свежим хлебом и тёплым кофе с кардамоном. Всё, чтобы вы, мой дорогой визитёр, почувствовали себя как дома, расслабились и поведали свои секреты.

Беседа с дедушкой Игнатием прошла на ура. Инесса расхваливала меня на все лады и даже всучила двойной гонорар за благоприятный прогноз на будущую неделю.

А вот с Юлианной вышло черти что. Она опоздала почти на час, долго возмущалась пробками на дорогах, кляла водителей за глупость, потом и вовсе заявила:

– Учтите заранее! Я во всю эту лабуду не верю, – после чего ткнула аккуратным пальчиком в колоду карт и сложила руки на груди, как бы говоря, яви, мол, чудо.

Обычно я на подобные провокации не ведусь, но эта расфуфыренная дамочка в дорогом твидовом костюме от известного бренда отняла у меня слишком много времени и порядком выбешивала скепсисом. Поэтому я с ходу напустила на себя деловой вид и схватилась за гримуар.

Бездумно открыла книжонку на середине, прочистила горло и заявила:

– Перед работой мне необходимо настроиться и воспеть обращение к духам.

И сразу же начала читать, не дожидаясь ответа Фомы неверующей.

– Эрхесте, паидес ныктос, эрхесте, дадес Эротос, – голосом могучего шамана возвестила я и краем глаза посмотрела на молодую женщину. Та сидела, глубоко откинувшись, и водила кончиком языка по зубам, выковыривая остатки завтрака.

Продолжила читать, хотя в древнегреческом понимала столько же, сколько в принципе работы ядерного реактора – то есть ровным счётом ничего.

– Сы дэ, анакс ныхион скион, эрхеу, фаэинос Инкубос. Хо птынос, хос эн тхымоис хэвнел, хос пыри псыхас катеуназей. Кало се, фаэдрон паида Ээосфору [Приходите, дети ночи, приходите, факелы Любви-Страсти, и ты, властитель ночных теней, приходи, сверкающий Инкуб, пернатый, что спит в сердцах, что огнём усыпляет души. Призываю тебя, сияющее дитя Утренней Звезды, приди сквозь камень, сквозь тьму, сквозь дыхание третьего ветра, неси священный удар наслаждения, чтобы девственница познала наслаждение, а неведущая – опыт, а простая – мудрое желание – *вольный перевод*].

Проклятый древний говор, челюсть же вывихнуть можно со всеми этими звукосочетаниями.

Не успела закрыть рот, как вся комната вдруг ожила. Стол задрожал, подвески в виде апельсинок на потолке закачались. Попахивающий плесенью гримуар захлопнулся сам собой. Свечи разгорелись во сто крат ярче, словно в секунду превратились в факелы.

Я вздрогнула. Гул в воздухе стал нарастать. Неясный, отдалённый, он приближался со скоростью товарняка и скрежетал огромными механизированными деталями.

– Что вы делаете? – возмутилась Юлианна и вскочила с места.

Я изумлённо уставилась на колоду карт, которая взмыла в воздух и выбросила передо мной несколько изображений: перевёрнутого любовника, башню вверх ногами и... смерть. Мозг истолковал пророчество моментально. Меня ожидают колебания между двумя мужчинами, нависшая над головой буря и конец, точка невозврата.

Отупение сковало всё тело. Звуки смолкли в едином порыве, и тут на столе вспыхнула книжонка. Сама по себе, будто кто облил бензином и чиркнул спичкой. Взвизгнула знатно, клиентка присоединилась.

Я ломанулась к окну, чтобы взять графин с водой и потушить безобразие, но со всего маху врезалась во что-то твёрдое и полетела на пол. Перед тем, как приложиться затылком, разглядела мощную фигуру мужчины в тёмных джинсах и чёрной рубашке с расстёгнутым воротом, а потом моргнула, и свет померк, оставив после себя лишь ядовитую улыбку и цепкий взгляд голубых глаз.

Чернота тянулась как пролитый мёд. На неё накладывались запахи: горечь черёмухи, брызги розовой воды, терпкость выдержанного вина и тёплые нотки душистых трав. Позднее подключились звуки: шорох одежды, чьи-то нервные шаги, размеренные удары в стену и голоса. Мне тут же вспомнились шепотки на поляне. Сексуальный баритон и насмешливый тенор, оба притягательные и сочные, как мякоть спелого фрукта.

– Ты ещё скажи, что она привязала нас к себе, – хрипотца разила в самое сердце. Хотелось подняться и обвиться кольцом вокруг его груди, чтобы просто слушать.

– Ты и сам это знаешь, зачем попусту сотрясать воздух, – весело отозвался тот, кто расхаживал по комнате.

Ласкающий слух баритон выругался. Слов я не поняла. Прозвучала некая смесь грубых согласных с рычащими гласными, отдалённо напоминающая немецкий язык, но интонации угадывались чётко – крайняя степень гнева.

– Неужели ты расстроен? – спросил тенор. – Зар, дружище, не ты ли на днях жаловался, что всё порядком наскучило?

– Отвянь. Мир?

Или:

– Отвянь, Мир!

Не уловила разницы.

– А она хорошенькая, – цокнул языком весельчак.

– Как будто для тебя существует иной вид женщины, – с осуждением молвил баритон.

– Как и для тебя.

Приоткрыла один глаз и с опаской осмотрелась. Прямо передо мной на подоконнике сидел огромного вида блондин с кислой физиономией. Он кидал в пол теннисный мяч, лениво ловил его и бросал снова, порождая тот самый размеренный звук ударов. Именно в него я врезалась, когда мчалась к окну.

По левому краю периферического зрения разгуливал ещё один мужчина, коренастый брюнет в белой рубашке. Он ходил от одной стены к другой и совершенно не стеснялся перешагивать через мои ноги. Туда-сюда, туда-сюда, как маятник, ей-богу.

– О, поглядите-ка, кто очнулся! Маленькая ворожея, – чернявый застыл у стола, перевёл все внимание на меня и лучезарно улыбнулся. – Как там на той стороне?

Он приблизился и подал руку, не переставая скалиться. Красивый до умопомрачения. Лицо и фигура так и просились на обложку какого-нибудь мега популярного глянцевого издания. Что привлекло моё внимание? Яркие глаза под навесом густых тёмных бровей и идеально скомпонованные черты, что называется, ни прибавить, ни отнять. Всё в его лице пребывало в гармонии и порождало образ человека, сочетающего в себе хладнокровие и внутреннюю энергию, благородство и дикую, неукротимую природу. Это он отвечал за реплики весельчака? Кажется, да.

Приподнялась над полом на локтях, глянула назад, где должна была сидеть клиентка, увидела пустой стул и горестно вздохнула:

– Вы кто такие?

– Твой худший кошмар, – ответил блондин с раздражением.

– Скорее ожившая фантазия, – подмигнул мужчина-постер.

– Эм, я имела в виду, как вы здесь оказались? У меня дома, в смысле.

– Это лучше у тебя спросить, – ласково ответил Картинка. – Не зачитывала, случаем, недавно никаких незнакомых заклинаний?

– Она и со знакомыми не справилась бы, – желчно подметил тип с подоконника. – Набор-мотала ерунды, а нам теперь расхлёбывай.

– Зар, ты слишком строг к нашей ведьмочке.

– Я бы эту ведьмочку...

Он не договорил. Стиснул в ладони теннисный мяч и превратил в бесполезную ярко-жёлтую тряпицу. Интересно, а много ли силы надо, что так изувечить мяч?

– Не обращай внимания, куколка, – балагур потряс передо мной ладонью с золотистой кожей.

Взялась за неё с огромной неохотой и тут же выдернула руку, потому что... Уму непостижимо, но меня вмиг обуяло таким острым желанием запрыгнуть на него сверху, прильнуть губами к совершенному алому рту, почувствовать щекой его щетину и поддаться самому низменному из стремлений рода людского. Он весь будто был пропитан афродизиакон, и подействовал на меня, как валерьянка на кошку – о него хотелось тереться, выпрашивая ласку, и драть ногтями его бронзовую кожу, и...

Выдернула ладонь и шагнула назад. Наваждение схлынуло.

– Повторюсь: вы кто, блин, такие? – добавила строгости в голос и зыркнула на блондина.

Тот посмотрел в ответ. Хмурая гримаса превратилась в хищную. Он раздул ноздри, поджал лепные губы, по которым впору сходить с ума, прищурил выразительные глаза, очерченные густыми тёмными ресницами (подумалось, уж не подкрашивает ли он их – слишком тёмными казались для мужчины с шевелюрой цвета серебристого песка) и отлип от подоконника.

Как он двигался, я не заметила. Словно проплыл по воздуху. Только что был у окна, потом – хлопок – и в миллиметре от меня. Выше на целую голову и сложен куда мощнее брүнета. Чтобы выдержать его взгляд, мне пришлось пересилить паническое желание забиться под стол и вскинуть голову вверх.

– Кто мы? – зловеще переспросил сгусток тестостерона. – Демоны. Он – Темир, я – Светозар, а ты маленькая глуповатая обманщица, которая вздумала играть с магией.

Слов я не понимала. Он шевелил губами, перемещал язык к зубам, выдыхал звуки, и на этом всё. Голова шла кругом от его близости и тяжёлого мужского запаха с острой примесью секса. Моё тело целиком подалось вперёд, во рту пересохло. В воображении мелькали образы такого откровенного содержания, что впору было покраснеть.

«Поцелуй меня! Прикоснись ко мне! Позволь принадлежать тебе!» – бились в подкорке отчаянные мысли, готовые сорваться с уст.

В отчаянии прикрыла веки и тихо простонала, чувствуя, как внутри всё сжимается в ожидании ласки.

Демоны, ахах. Светозар и Темир. Ну конечно! А я, получается, сверхталантливая сибирская ворожея Азиза, правда, отныне не Туман. Сейчас мне больше подошло бы имечко Вся_такая_текущая, потому что пожарище в чреслах поыхало со страшной силой.

– Зар, ты это, полегче, – с беспокойством воскликнул брүнет. – Выруби уличного шарманщика, не видишь, девушка теряет самообладание.

– Ничего я не... – попробовала возразить, и вдруг обнаружила свои руки на груди блондина. Вожу ногтями по краю расстёгнутого ворота, облизываюсь на треугольник золотистой кожи, примеряюсь языком ко впадинке над ключицей и заворожённо слежу за движением адамова яблока по его горлу.

Светловолосый опять выругался на смеси гортанных звуков и метнулся к подоконнику. А я так и застыла, поддавшись вперёд и пристав на носочки, недоумевая, что произошло. Будто кто опустил рубильник похоти вниз.

Тряхнула головой. Поочерёдно оглядела обоих. Рассвирепела.

– Так, товарищи! Кастинг на шоу «Холостяк» в соседнем подъезде! Не сомневаюсь, что выберут вас обоих! Так что пошевелили своими эталонными окорочками и, – присвистнула, – добро пожаловать на выход! Давайте-давайте! – упёрлась руками в поясницу тёмненького и дотолкала до двери.

Вернулась за дядей Стёпой с харизмой порноактера и двинула его по плечу.

– Эй, персональное приглашение ждём? Станция конечная, за дверью ждут аттракционы и бесплатный пеший тур под названием «Пошёл на...»

Он поднял на меня пудовый взгляд, в котором переливалась сталью вся грусть этого мира, и с лёгкостью соскочил с подоконника. Протиснулся мимо и, о чудо, вымелся за дверь.

– Зря ты так, – укорил чернявый, но тоже шагнул в подъезд.

Хотела пожелать им попутного ветра, только побоялась показаться излишне любезной, поэтому просто захлопнула дверь, повернула рычажок замка и со странной смесью опустошения и усталости на сердце поплелась в гостиную. Вскрикнула с порога:

– А-а-а-а!

Эти двое оккупировали мой диван. Тёмненький сидел с видом отличника, даже руки держал на коленях. Светленький полулежал, утопая спиной в подушке, и без спроса уместил длинные ножищи в лаково-черных туфлях под крокодильную кожу на мой кофейный столик.

– Вы как? То есть... Какого хрена? – беспомощно оглянулась на коридор.

– А вот это самый главный вопрос, – лениво отозвался блондин. – Позволь его дополнить: какого хрена ты привязала нас к себе?

– То есть? – хлопала глазами в надежде развеять это марево.

– То есть, куколка, мы твои марионетки, – весьма добродушно ответил брюнет, расстегнул манжету рубашки, закатал рукав до локтя и показал мне круглую печать татуировки.

– Ты слова-то подбирай, – скрипнул зубами Ворчун, обращаясь к чернявому. – Лично я под чужие дудки не пляшу.

– Тогда, может, прошвырнешься по окрестностям? В поисках невинной девы, например, – съязвил коренастый.

Я с изумлением таращилась на его руку. Два круга: в центре первого было выведено моё имя «Станислава»; буквы с завитушками, компактные и чёткие; вторая окружность охватывала первую, и внутри неё змеились знаки и символы. Подчиняясь безотчётному импульсу, схватила брюнета чуть выше запястья и провела пальцем по чернильному рисунку.

Татуировка не выглядела свежей. Нет ни покраснений, ни воспаления, лишь уверенные контуры и непонятные кривульки с кракозябрами.

Едва коснулась, изображение ожило. Значки задвигались по внутреннему большому кругу против часовой стрелки, и как только проделали один оборот, вспыхнули синеватым светом. Меня качнуло в сторону. К горлу подступила тошнота.

Отскочила назад и заверещала:

– Вы кто, мать его, такие?!

– Убийственный голос и дрянной норв, – заключил белобрысый без всяких эмоций. – Если позволишь, я её придушу.

– И окочуришься сам, – спокойно отозвался весельчак.

– Не худший расклад, не находишь?

– А по мне она – душка. Если связать и заклеить рот, будет милым ягнёнком.

– Я за идею с кляпом.

Они беседовали с милейшими лицами. Блондин охамел настолько, что взял с подлокотника пульт и включил телевизор. Брюнет поглядывал на меня искоса и улыбался своим идеям. Совсем офонарели?

Вооружилась баллончиком с дезодорантом и нацепила чернявому в рожу.

– А ну живо вымелись с приватизированной жилплощади! – о как загнула и приготовилась дать струю едкой жидкости по слащавой мордахе.

Белобрысый вскинулся, царапнул меня колючими глазёнками цвета лазури и мановением руки вышиб их моих пальцев баллончик. Вот буквально! Прогоняющий жест, и флакон пролетел через всю комнату и брякнулся на порожек рядом с балконом. Златокудрый мачо даже не поднялся с дивана, действовал на расстоянии. Долбанная телепатия какая-то!

– Зар, не надо, не кипятись!

Блондин в ответ зарычал: обнажил довольно острые клыки, наморщил нос и хмуро свёл брови.

– С властительницей так нельзя, – попытался достучаться до него тёмненький.

– А это часть сексуальной игры, – отделался непонятным комментарием Ворчун.

И всё пошло по одному месту. Меня сковало по рукам и ногам, словно окутало невидимыми путами, потом потянуло к кофейному столику, как на поводке. Я понимала, что не хочу приближаться к этой странной парочке скупающих плейбоев, но желание сесть перед ними оказалось сильнее. Опустилась на столик, выставила руки назад, развела ноги в стороны так широко, как позволял похожий на сутану балахон, и с испугом уставилась на загадочных мужиков. Как они это делают?

– Да всё просто, куколка, – ответил на мои мысли тёмненький. – Мы демоны.

– Явились по твою душу.

– И тело. Оно вроде ничего, хотя под этой хламидой не поймёшь.

– Мне начхать, что там под хламидой, – блондин демонстративно зевнул.

– Брешет, – доверительно пояснил для меня чернявый. – Иначе не лапал бы тебя ментально.

– Это называется усмирение. Мне комфортно в тиши и покое.

– Да-да, заливай.

– Это ты у нас мыслишь горизонтальными плоскостями.

– Зар, ты когда трындишь, хотя бы красней для приличия.

Молниеносный обмен репликами. Я не успевала переводить взгляд с одного на другого.

– Короче, Станислава, – блондин сфокусировался на мне, мазнул взглядом по полоске белой кожи на лодыжке, что высвободилась из-под балахона, с каким-то голодом присмотрелся к босой ступне, и продолжил, глядя в глаза, – мы тут застряли по твоей вине. Поэтому давай разберёмся, как нам выпутаться из этой истории, и разойдёмся с миром. К обоюдному удовольствию.

Последнее слово прозвучало, как обещание. Довольно было закрыть глаза и представить, сколькими умениями он обладает...

– Что вы имеете в виду под демонами? – надоумилась спросить. – Это банда какая-то?

– Ага, объединённая преступная группировка, – заржал брюнет. – Рэкетирuem население.

– Демоны – это демоны. Смотри, – сказал светлоокий и поднялся с дивана.

Склонился надо мной и на миг опустил веки, чтобы в следующую секунду окатить меня чёрным, как бурлящая в котле смола, взглядом. Ни единого светлого пятнышка, сплошная мгла, в которой потерялись радужка и зрачок. Мне даже показалось, будто рафинированная мордашка потускнела, и сквозь неё проступило нечто хищное и зловещее.

– Я ещё так могу, – похвастал он и щёлкнул пальцами.

Синевато-оранжевое пламя взметнулось от кончиков ногтей, лизнуло костяшки и перекинулось на манжету. Тут же весь рукав запылал, и едкий запах жжёной плоти и горящей ткани заполнил комнату.

Оцепенение спало. Я шарахнулась назад, свалилась со столика, перекувырнулась через голову и на карачках поползла прочь.

– Какой же ты напыщенный придурок, братец, – возмутился весельчак и ринулся вдогонку. – Стась! Да погоди ты!

С трудом собрала себя в единую субстанцию, поднялась на ноги и дала дёру. По тупости свернула не к входной двери, а на кухню. Захлопнула створку перед самым носом чернявого. Тут же подпёрла ручку стулом. Демоны, говорите?

Лихорадочно отыскала в шкафчике пакет с солью и сыпанула вдоль порожка – знаем мы, как с вами обращаться! Научены шестнадцатью (или их больше? Я бросила смотреть на одиннадцатом) сезонами «Сверхъестественного»!

Не уgomонилась, пока не извела килограммовый пакет усилителя вкуса, потом вытерла пот со лба и повернулась.

– Да чтоб меня! – заголосила при виде парочки преследователей, которые, как ни в чём не бывало, продавливали своими крепкими задницами мой гарнитур.

– Соль должна быть каменной, – с надменной рожей поправил меня блондин в рубашке с одним оборванным рукавом.

– Не, брат, йодированная полезнее, – не согласился брюнет.

– Вы психи? – икнула и тяжело опустилась на краешек стула, который, по идее, должен был оберегать меня от несанкционированного вторжения.

– С тобой точно станем, – буркнул белобрысый.

– Хорош уже саблями махать. Давайте знакомиться. Я – Мир, в преисподней числюсь под именем Темир, что в переводе с тюркского означает «крепкий, как железо». А это мой брат, Светозар.

– Ага, «несущий зарево», правда, соответствую? – хмыкнул Зар.

– Ясненько, – прошамкала полуистерически. – А я донна Роза.

Здравствуйте, я ваша тётя!

Может, я крепко башкой приложилась? Откуда взялись эти два хлыща с именами Тёма и Светик, а?!

Глава 2

– Стась, чай будешь?

Мир (хотя нет, давайте договоримся называть его Тёма, всё-таки так понятнее и привычнее), не вставая с места, щёлкнул кнопкой на чайнике, вынул кружку из сушилки, не касаясь – штучки в стиле Керри давались ему ничуть не хуже, чем белобрысому, – хлопнул дверцей шкафчика и безошибочно выудил из его недр пирамидку с зелёным чаем.

– Я точно сплю, – пробормотала себе под нос.

– К несчастью, нет, – развеял мои мечты Тёма.

– Но ты вполне можешь прилечь и отдохнуть, чтобы переварить всё услышанное, – подсказал Зар.

Кому в здравом уме могла придти идея наречь демона Светозаром? Стёб какой-то.

– А вы какие демоны? – уточнила с интересом.

– Хорошие, не переживай, – подмигнул чернявый. – Садись к столу. Мы не кусаемся. Большую часть времени.

– Демоны сладострастия, – с каменным лицом заявил блондин и при этом так посмотрел, будто я была отличницей, которая на важном экзамене сморозила вооот такенную глупость. – Инкубы.

Я поперхнулась чаем, раз уж имела неосторожность сделать глоток в их присутствии.

– Это которые похищают и насилуют девушек?

Братья переглянулись, гоготнули.

– Бабкиных страшилок начиталась? Так они про бабайку, – весело подметил Тёма. – Мы никого не выкрадываем из постели и уж тем более не берём силой. Это табу.

– В смысле?

– Принуждать кого-то – не в наших правилах, да и зачем? – темноволосый склонился ко мне через стол, положил руку поверх моего запястья и добавил: – Мне ничего не стоит уболтать тебя показать мне спальню.

Его голос напоминал скольжение шёлка в ночной тиши и единение двух тел – будоражащий, интимный, он целиком состоял из обещания, а его касание... Я вспыхнула. Грудь налилась тяжестью. Низ живота съёжился до размеров монетки. Захотелось свести вместе бёдра и пошевелиться, чтобы между ними создалось столь желанное трение.

Краем глаза заметила недовольную мордашу пляжного красавчика и с трудом выдержала руку из захвата Тёмы.

– Не делай так больше, – пригрозила ему и обвела взглядом обоих. – Оба даже не смейте испытывать на мне ваш, безусловно, богатый арсенал.

Чернявый безропотно кивнул. Его братец ухмыльнулся и раздражённо мотнул головой, вроде тоже соглашаясь.

Часы на запястье у Тёмы напомнили об одном очень неприятном событии. Через час у меня клиент, а тут эти...

– Так, – решительно поставила кружку на стол, – вы говорите, что демоны. Охотно верю. Я вас как-то к себе привязала?

– Заклинанием, – услужливо подсказал брюнет.

– Отлично! Вам же известно обратное закливание? – с надеждой посмотрела на обоих.

– Ну или какой-нибудь ритуал? – Тишина. – Как от вас отделаться?

– Разрушить печать, – ляпнул бестолковость Зар.

– Чудесно, – блеснула зубами, – теперь поведай, как это сделать.

– А для чего ты нас призвала? – с холодком спросил Ворчун.

– Ответ: прикола ради, тебя устроит?

Он снова заработал ноздрями, как разъярённый бык, выпущенный на поле.

– Спокойствие, только спокойствие, – примирительно вскинул руки Тёма. – Она всего лишь ехидничает. Это ответная реакция организма на стресс. С тобой, Зар, такое постоянно.

– У него проблемы по части контроля гнева? – доверительно спросила у тёмненького.

– У него, – чеканя каждое слово, отозвался светленький, – неприятие человеческой глупости.

– И острая антипатия к женщинам, видимо, – полезла на рожон.

– Это ты-то женщина? – он презрительно сощурился. – Не смейся. Я вижу перед собой никчёмную гордачку, которая промышляет обманом и суёт любопытный нос во всё, что происходит далеко за гранью её понимания.

Поперхнулась обидой. Посмотрела на кружку с горячим чаем, потом на холёную физиономию. Тёма молниеносно отодвинул от меня напиток.

– Предлагаю всем выдохнуть, – сказал миротворец. – Обоюдной ненавистью ничего не решить, так что давайте лучше порассуждаем. Заклинание, Стась, ты откуда его знаешь?

– Прочитала наобум из старой книжонки. Мне её на день рождения подарили.

– Отлично! Где она?

Все втроём направились в мой кабинет. Оба демона (брр, как непривычно) преспокойно перешагнули полосу из соли. Сегодня же наведаясь в магазин за каменной, йодированной и даже морскую прихвачу. Будем пробовать все варианты.

– С нулевым результатом, – самодовольно сказал Зар, обернувшись вполоборота. – Нас сдерживает только твоё «нет».

– О, как замечательно, что ты надоумился это сказать! – желчно воскликнул его братец.

– А ты планы на неё имеешь? Спешу огорчить, об такую ягодку всё зубы переломает.

– Вас в детстве вежливости не учили? – взбрыкнула, невольно став слушательницей их обсуждений, в которых выступала ключевым звеном.

– Нет, только таскали на уроки пыток, – пошутил Тёма.

– И посвящали в тридцать три способа получения оргазма, – добавил Зар вполголоса.

– Бесценная информация, – закатила глаза и ткнула пальцем в стол, где на скатерти отпечатался обугленный след от сгоревшего гримуара. – Всё, что осталось от той книги.

Блондин провёл пальцем по саже, поднёс к лицу, принюхался и молвил:

– Хреново. На каком языке были написаны слова?

– Древнегреческий, вроде.

– Ты знаешь древнегреческий? – уточнил Тёма.

– Я и с английским не дружу, а тут почему-то была уверена на все сто и даже умудрялась читать.

– То есть это вполне мог быть старославянский или даже иврит – знатоком тебя не назовёшь.

– Ну куда мне до тебя, гуру вагин.

Зар резко повернул ко мне голову, явно оскорблённый моими словами. Тёма загородил меня собой и в миллионный раз попытался усмирить брата.

– Спокойнее, Зар, спокойнее. Она просто тренирует на тебе своё остроумие. Это возраст такой, – потом оглянулся на меня и осуждающе цыкнул: – Харэ его подначивать. Рванёт – костей не соберёшь.

– Да неужели?! – и пропищала тоненьким голоском: – Добби – свободолюбивый эльф?

– Это ты к чему?

Тёма хихикнул, очевидно, словил фишку. Блондинчик нахмурился ещё сильнее.

– Так, мальчики, поиграли в детективов, теперь выметаемся. У меня клиент с минуты на минуту.

– Мы не можем уйти, – подтвердил мои худшие опасения Тёма.

– А вот это действительно хреново. Но посидеть тихо-тихо в соседней комнате вам по плечу?

– Зачем? – включил тупня Зар.

– Затем, что вы капец странные и выглядите... Не знаю, как парочка стриптизеров.

– Как кто? – недоумевал блондин.

– Я потом объясню, – похлопал его по плечу Тёма. – А прятаться нам вовсе не обязательно. Пока что нас можешь видеть только ты.

– «Пока что»?

– Пока мы не получим от тебя энергию для заключительной материализации, – охотно объяснил чернявый.

– Энергию, то есть?..

– Да, пока мы не переспим с тобой, – без лишних прикрас огорошил он меня правдой. Зар при этих словах набылчился и скрестил руки на мощной груди, как бы говоря, что с большим удовольствием отгрызёт себе пипирку, чем нацелит её на меня.

Не больно-то хотелось, индюк напыщенный!

– А-а, ну тогда всё ок. На материализацию можете не рассчитывать. Я не из вашей лиги, играю за соседний дивизион.

Тёма заржал в голос и втолковал отсталому братцу:

– Она намекает на то, что довлеет к женщинам.

– Оно и видно, – рыкнул Зар.

От ответного ехидства его спас звонок в дверь. Обошла рабочий стол вкруговую, чтобы держаться подальше от непрошенных гостей, и на миг замерла у зеркала в прихожей. Пальцами подправила растёкшийся макияж под глазами, убедилась, что всё так же бледна аки утопленница, и прочистила горло, настраиваясь на потусторонний разговор.

– Добрый день, – на пороге стояла полноватая женщина в сером пуховике с усталым, каким-то безжизненным лицом. – Вы Азиза?

– Приветствую вас, – провозгласила глубоким грудным голосом. – Татьяна, пожалуйста, раздевайтесь и проходите.

Клиентка скинула верхнюю одежду и обувь и, повинувшись моему жесту, с опаской прошла в кабинет. Зар преспокойно занимал подоконник и с интересом смотрел в окно. Тёма развалился на моём стуле и закинул ноги на стол. Туфли на нём были точь-в-точь как у брата, только на несколько тонов светлее – кожа цвета горького шоколада.

Я протиснулась к нему и беззвучно велела:

– Сгинь.

– Ась? Не расслышал?

– Сгинь, говорю, – повторила едва слышно.

– А-а-а-а, можешь не париться, говори в полную силу. Мы как бы в твоей голове, поэтому можем общаться в открытую, – Тёма с улыбкой глянул на посетительницу, затем сложил ладони рупором у рта и прокричал: – Она всё равно ни черта не услышит!

– Тогда не мог бы ты свалить с моего стула?

– А чем тебя не устраивают мои колени? – он поставил ноги на пол и шваркнул себя ладонью по бедру: – Падай, заодно пообнимаемся.

– Слушай, надоедливый не материальный демон, хорош действовать мне на нервы. Брысь, сказала.

– И это нам пеняли на воспитание, – горестно вздохнул Зар.

– А что, у вас в преисподней принято вешаться на каждого заваливающего демона? – сызнава ввязалась в перепалку с бледноволосым.

– У нас в преисподней инкубам не отказывают, понимают, что это бессмысленно.

Я понимала одно: этот обмен любезностями мы не закончим и с наступлением ночи, поэтому села на освободившийся стул и сосредоточилась на нуждах страждущих.

– Итак, Татьяна, какой вопрос требует моего вмешательства?

Женщина придвинулась к столу. Короткие натруженные пальцы теребили ремешок облезлой сумочки из дермантина. Глаза кружили по комнате, высматривая что-то, некий предмет, на котором можно было сосредоточить внимание и начать нелёгкий рассказ.

– Она думает, на ней венец безбрачия, – влез с подсказкой Тёма.

– Вы оба мысли читаете что ли?

– Считай, что да, – откликнулся пронырливый Зар. – Хотя процесс этот весьма сложный у большинства индивидуумов. Ты не в счёт, Станислава.

– Зар! – одёрнул Тёма.

– Милейший ты демон, дорогуша, – бросила блондину через плечо и положила руки, унизанные кольцами и перстнями, на стол, предлагая клиентке утешение вкупе с простым человеческим теплом. – Что вас беспокоит, моя дорогая? Доверьтесь мне.

– Понимаете, – тихим голосом начала Таня и, пересилив себя, взялась за мои ладони, – я боюсь, что...

– Да-да, вижу, – поспешила перебить я.

– А ты неплохая актриса, – подметил Зар.

– Распахни окно и выпрыгни, – пожелала мимоходом и обратилась к незамужней даме.

– Вы думаете, что чьи-то козни мешают вам обрести личное счастье?

– Да! – вскрикнула та и в изумлении распахнула глаза. – Как вы узнали?

Позади послышался шум, спину обдало морозным ветерком. Придурковатый демон вылез на карниз, расправил руки и беззвучно шагнул вниз. Третий этаж, авось не зашибётся. Тёма даже бровью не повёл.

– Будь другом, закрой окно, – обратилась к нему, но холодок уже исчез, а выпендрёжник со светлой шевелюрой, наоборот, вернулся.

– Другие пожелания будут, госпожа? – спросил Зар с таким ядом, что мне захотелось отмотать назад и придержать язык за зубами.

– Да, противенький. Примолкни на полчаса. Я тут вроде как работать пытаюсь.

– Нельзя называть обман – работой.

– А спать с женщинами, которые тебе даже не нравятся – это ты как называешь? Хобби, призвание?

Меня выдернули со стула за подмышки и тут же разложили на столе. Широкая рука со вздутыми синими венами сомкнулась на горле. Над лицом нависла перекошенная гневом мордаха.

Краем сознания прикинула, что сейчас подо мной должны находиться руки клиентки, которых не было, а значит, всё происходит лишь в моей голове.

Зар склонился почти вплотную. Светлые пряди упали на глаза.

– Показать тебе мою «работу» во всей красе? – он толкнулся бёдрами вперёд, подушечками пальцев пригладил пульсирующую под кожей жилку, а губами мазнул по щеке, и меня беспощадно выгнуло ему навстречу.

Такого дикого возбуждения не испытывала никогда в жизни. Каждый нерв вытянулся в струнку. Все пять чувств обострились до предела. Я слышала эхо его вопроса, впитывала ядовитый от соблазна запах, идущий от его кожи и дыхания, сгорала от ощущения нехватки тактильности – почему между нами слой одежды? Хотелось чувствовать его каждой клеточкой, осязая с точностью до микрочастиц.

Любоваться им было истинным наслаждением. Даже в гневе он являл собой образчик сугубо мужской красоты. Он как пирожное – шедевр кондитерского искусства. Не терпится распробовать, даже если точно знаешь, что оно отравлено.

– Не надо показывать, – прохрипела в отчаянии и без труда отодвинула от себя его руку.
– Отвали!

Зар отступил на два шага, но меня всё ещё било мелкой дрожью и замыкало на идее послать всё к чертям и поддаться любопытству. Секс с демоном – это ли не высший пилотаж?

Вернула желейное тело обратно на стул и постаралась изобразить сосредоточенность. О чём вообще шла речь?

– Бесприданница хочет узнать, как ты догадалась насчёт её проблем, – снова пришёл на помощь Тёма. – Ты как, в норме? Водички принести?

– Спасибо, не надо. Перестаньте сбивать с мысли!

С горем пополам сделала для Танечки несколько раскладов на картах, утешила женщину тем, что в скором будущем она непременно повстречает суженого, продиктовала рецепт настойки для улучшения сердечных чакр (Зар едва не подавился фырканьем, пока наговаривала список ингредиентов) и свернула шапито за пять минут до окончания сеанса.

Всё, товарищи, я официально заявляю, что измотана. Голубоглазый инкуб не просто заноза в энном месте, он чёртов кровопийца и энергетический вампир. Высосал меня досуха.

– Поосторожнее с желаниями, – вклинился гад в мои размышления.

Полетела на него одуревшим буйволом и как следует приложила двумя кулаками по груди.

– Эй, человекоподобный! Хорош шуровать у меня в мозгу. Займись девственницами по соседству или чем вы там, в аду развлекаетесь, а меня оставь в покое, ясно тебе?!

Зар моргнул, скосил взгляд к моим рукам, повисшим вдоль тела, и молча отступил.

– Весёленькое времечко намечается, – подал голос Тёма.

И как в воду глядел, точнее в хрустальный шар.

Глава 3

На запрос: «Кто такие инкубы?» интернет ответил мне следующее:

Инкуб – это демонический мужчина из средневековой западноевропейской мифологии (*видать, обосновавшийся в Сибири с недавних пор*), который, согласно легендам, приходит к женщинам во сне и совершает с ними половой акт (*и Зар ещё обижается! Буэээ*). Слово происходит от латинского *incubare* – «лежать сверху» (*так и запишем, с Камасутрой не знакомы, в сексе – ноль фантазии*).

Как его описывают:

Внешность: чаще всего уродливый (*йо-хо-хо, и бутылка рома! Мне досталась парочка бракованных экземпляров*), с элементами животного облика – козлиными рогами, копытами, хвостом (*надо разузнать и под благовидным предлогом глянуть на задницы, а вдруг...*). Однако он может принимать облик знакомого или вымышленного красивого мужчины, чтобы соблазнить жертву (*нет у меня таких знакомых, но намёк ясен – не всё то золото, что блестит*).

Цель: получить сексуальную энергию (*для последующей материализации, это мы и без сопливых выяснили*). При этом реального соития якобы не происходит – всё случается на астральном уровне, но женщина ощущает это как реальность (*жаль, я не невинна, а то проверили бы – тьфу, о чём это я?!*).

Последствия: после таких «ночных визитов» женщина чувствует усталость, упадок сил, может заболеть, у неё могут начаться проблемы с психикой и личной жизнью (*чудненько! Упадок сил налицо, а мы только полденька бок о бок прожили; что будет со мной с утра?*). При длительном контакте – сильное истощение (*спасибо, гугл, ты как Зар – колуешь мозг и выдаёшь ответы на-гора*).

Разновидность: существует женский аналог – суккуб, которая посещает мужчин (*пустые сведения*).

На что обращают внимание эзотерики:

Признаки присутствия: эротические сны с незнакомцем, после которых остаётся странное ощущение, «дыра в памяти» и сильная усталость по утрам, не связанная с обычной усталостью (*ещё один бесполезный абзац*).

Защита (*рассмотрим подробно*): в народных традициях – нательный крест, молитвы, обереги (*и всё? Как быть с тем эффектом, который они на меня производят? Одно неловкое касание, и плотину целомудрия рушит килотонным взрывом; зажмуриться и прочесть вслух «Аве, Мария»?*). В современных эзотерических практиках – энергетическая гигиена (*точно! Ежедневно подмывать ауру – стопроцентный верняк*), работа с чакрами, установка защит (*Винчестеры, вроде, рисовали ловушку с пентаграммой на полу, где раздобыть эскиз?*).

Важно понимать: в научном контексте инкуб – это архетип, отражающий феномены парализации сна, гипнопомпических галлюцинаций и ночных поллюций.

Ну всё, доктор, я спокойна. Оказывается, Зар и Тёмыч всего лишь плод моего неудовлетворенного желания, необузданного сексуального воображения, так сказать. Лучшая защита от инкубов – это приземлиться в кровать с настоящим мужиком.

С опаской вышла из ванной, запахнула банный халат, заправила уголок полотенца за край на затылке и на цыпочках прокралась в спальню. Инфернальные красавчики даже ухом не повели, так и продолжили плющить мой диван своими жо...

Мысль ускользнула. Вскрикнула от неожиданности, когда осторожно развернулась к кровати и увидела на ней этих... выпендрёжников.

Зар прямо в обуви развалился поверх покрывала, по-хозяйски закинул руку в ободранном рукаве за голову, отчего мускулы на загорелой коже ощерились весьма аппетитно. Какой

чёткий рельеф и безупречные контуры! Бицепс, трицепс и круглый пронатор – всё, что помнила из школьного курса анатомии.

Заворожили его надменная рожа и льдистый взгляд. Напомнила себе, что где-то у него под одеждой прячется козлиный хвост и бараньи рога (*или наоборот*), и с усилием перевела взгляд на Тёмку. Тот лежал на боку, подперев чернявую шевелюру кулаком, и с озорной улыбкой похлопывал ладонью по покрывалу.

– Мы так не договаривались, выметайтесь! – не дрогнула я и рукой указала на дверь.

– Стась, а вдруг отопление отключат? Ты ж задубеешь в одиночестве! – принялся балбесничать Тёма.

– На этот случай у меня есть запасное одеяло, – с кряхтением полезла вглубь шкафа и выудила чудовищно тяжёлый свёрток из верблюжьей шерсти. Под таким спать опасно, так и ждёшь, что расплющит. – Это вам, кстати! Можете оккупировать диван или коврик у входной двери.

– Нам спать вдвоём? – с холодком уточнил Зар.

– Хоть впятером, но не в пределах моей квартиры, пожалуйста. Имейте совесть.

– А могли бы тебя, – ляпнул брюнет, в конце фразы так понизил голос, что едва расслышала.

– Давайте выпроваживайтесь вместе со своими грёзами, – потащила белобрысого за лодыжку, сдвинула на целый миллиметр, потом подошла ко второму. – Кстати, вы, правда, братья?

– Единоутробные, – подтвердил Тёма.

– Он младше, – Зар «стрельнул» из пальца по коренастому.

– Я догадалась, как ни странно. И раз уж ты верховный главнокомандующий этой гоп-компании, приказывай свистать всех наверх и дай строгий курс на север – то бишь на гостиную.

Он лениво потянулся, и сколько волнительного томления было в его движениях, словно постановочная сцена из рекламы мужского шампуня или пены для бритья. Залюбовалась. Тут же взбесилась, пошла красными пятнами от злости.

– Эй, златовласка, шнелле-шнелле! Вертим окороками, машем крылышками. Ведунья всея Руси опочивальничать желает! – притопнула ножкой для наглядности.

Меня в момент поставили на место. Рывок, бросок и вот уже Зар встал ко мне вплотную. Схватил обеими руками за грудки, подтянул к своему лицу.

– Когда-нибудь додержишь, – пригрозил, яростно раздувая ноздри.

– И что ты мне сделаешь? Нагонишь жути бесовскими чёрными глазами? – прорычала в ответ.

Хмыкнул. Сочный чувственный рот растёкся в усмешке.

– Страх – худший мотиватор. Необузданность толкает людей на отчаянные поступки, – выдохнул мне в лицо и содрал с моей головы полотенце.

Тут же запустил обе руки во влажные волосы и принялся массировать кожу головы, посылая по всему телу ультратонкие волны мягкого блаженства. Он свободно перемещал мою черепушку во всех направлениях и пробирался от висков к затылку, да ещё как-то умудрялся поглаживать макушку.

Я потерялась в силе его рук. Расслабилась настолько, что без колебаний подпустила к себе Тёмку. Он замер за моей спиной, умело накрыл ручищами плечи и стал проминать в идеальном ритме, чередуя уверенность с толикой нежности.

Массаж в четыре руки не просто захватил, я вся поплыла. Ментально и физически. Машинально вскинула ладонь, чтобы взяться за крепкое плечо блондина, другую завела назад и погладила брюнета по бедру.

– Нравится? – коснулся ушной раковины искустельный шёпот Зара.

– Очень.

– Хочешь продолжения?

– Да-а-а-а, – вытянула шею и подставила губы.

– Тогда перестань быть такой занозой, – посоветовал окаянный демон, и спальня вмиг опустела.

Заснуть долго не получалось. В голове роились самые разнообразные вопросы. Я привязала к себе двух демонов, прочтя заклинание на языке, которого отродясь не знала. Проверки ради залезла в браузер и запросила текст на греческом. Уставилась на отрывок из мифологического текста о Геракле:

Ἡρακλῆς μακρόν χρόνον ἦν δοῦλος.

Νύκτωρ δὲ πάλιν ἀνξάνεται.

Πολλοῖς δὲ ἐνιαυτοῖς ὕστερον ὁ Ἡρακλῆς σφάζει τὸν τῶν ἀνθρώπων φίλον καὶ φονεύει τὸν ἑαυτόν.

Необычные буквы (α, β, γ, δ, η, θ) привлекли внимание – они выглядели как смесь латинских и кириллических символов, но явно принадлежали другой системе письма.

Диакритические знаки (ударения, придыхания) создавали ощущение «древности» и сложности.

Строки казались ритмичными из-за чередования широких и узких букв, но смысл оставался полнейшей загадкой.

В чтении я не продвинулась дальше знакомых латинских букв, даже первое слово удалось прочесть лишь благодаря толкованию поисковика – знала, что этот текст о Геракле, поэтому интуитивно принимала «Ἡρακλῆς» за имя, хотя могла и ошибаться.

Женька в мой день рождения тоже без труда прочёл заморские словеса. Сомневаюсь, что ему раньше доводилось сталкиваться с этим наречием. Неужели сам гримуар обладал некой магией?

Вот додумалась же! Волшебство какое-то, скрытые способности у древних книг, демоны у меня в гостинной... Бред морщирогого кизляка какой-то! А поди ж ты, работает.

Перевернулась на другой бок, подсунула угол подушки под щеку и вспомнила ещё одну вещь.

«С властительницей так нельзя», – сказал Тёма брательнику, когда тот связал меня ментально и поволок к столику, словно цирковую собачку.

Кто такие эти властительницы и сколь безграничной властью они обладают над своими «подчинёнными»?

– Рабами, – поправил насмешливый мужской голос.

Вздрогнула и повернулась к двери, потом поняла, что услышала слова у себя в голове.

«Тёма?» – с опаской подумала и поёжилась во второй раз, когда «пришёл» ответ.

– Он самый, не дрейфь. Ты слишком громко размышляешь – это отвлекает.

Ну простите, ёксель-моксель! Вообще-то я у себя дома и имею полное право...

– Я не сержусь. Это Зар кипитится по каждому поводу. А мне ты кажешься очень милой. И красивой. Обожаю маленьких хрупких женщин с крепкой ноткой дерзости. Просто я теперь понимаю, почему на Востоке мужчины и женщины молятся по раздельности.

«А это тут при чём?» – гораздо спокойнее уточнила.

– Женский голос действительно соблазняет.

Как и мужской. Хотела бы я скрыть эту предательскую мыслишку, однако таким духовным практикам не обучена.

– Отвечая на твой вопрос: власть у тебя над нами безграничная. Печать, что на нас, обязывает подчиняться любой твоей прихоти.

Вспомнилось, как Зар без колебаний распахнул окно и сиганул с третьего этажа просто потому, что так ляпнула я в раздражении. А если мне стукнет в голову идея покричать: «Да гори оно всё синим пламенем!», прихвостни...

– Ай, женщина, что ты творишь с моим эго, – раздосадовано вздохнул Тёма.

«Так не подслушивай».

– Я бы с радостью. Но в глубине души надеюсь, что ты позовёшь к себе.

«Напрасно ждёшь. Вы оба не в моём вкусе. И вообще у меня уже есть отношения».

– Стась, ты можешь обманывать словами, но не мыслями. Парня у тебя нет. Последний секс был около шести месяцев назад. Ты темпераментная, яркая, только в качестве пары заведомо выбираешь мужчин гораздо слабее...

«Эй-эй-эй, достаточно! Глубокий психологический анализ моих поведенческих и сексуальных норм мне сейчас ни к чему».

– Тогда я просто добавлю, что мы оба в твоём вкусе. Наш внешний облик отображает все твои предпочтения.

«То есть это красивый фантик? А в истинном виде вы те самые пресловутые демоны с рожками, хвостами и копытами?»

– Закрой глаза.

Внутренний протест не заставил себя ждать, однако я его погасила и напомнила себе, что смогу отвадить инкуба одним лишь словом. Они ведь подчиняются мне безоговорочно. Если верить словам демона. Ахахах, какая ирония.

Смежила веки. Сначала донёсся шёпот, подобный шелесту чёрных крыльев в непроглядной тьме. Затем всё тот же искрящийся насмешкой бархатный голос позвал:

– Стась, вот он я.

Испуганно вжалась лопатками в изголовье и посмотрела прямо: не человек и не зверь, но воплощение соблазна и ужаса.

Его облик был искусно выточен, словно из мрамора, окропленного кровью. Черты лица – безупречные, почти божественные: высокие скулы, тонкий прямой нос, губы, изогнутые в полуулыбке, от которой веяло сладковатым тленом. Но в глубине бездонных, мерцающих глаз таилось нечто чуждое человеческому – бездна, полная голодного огня и древней злобы. Зрачки, вертикальные, как у змеи, пульсировали в такт неслышимому ритму.

Кожа его отливала перламутровым блеском, будто покрыта тончайшей паутиной лунного света, но при ближайшем рассмотрении становилась видна её истинная природа: не гладкая, а испещрённая едва заметными чешуйчатыми узорами, переливающимися при каждом движении.

Волосы, тёмные, как беззвёздная ночь, ниспадали на плечи волнами, в которых то и дело проскальзывали блики, похожие на отблески пламени. В их глубине прятались тонкие, извивающиеся рожки – не массивные, но неоспоримо дьявольские, увенчанные алыми остриями.

Плечи и руки были мощными, с проступающими под кожей контурами нечеловеческой мускулатуры, а пальцы завершались длинными, заострёнными ногтями, блестящими, словно обсидиановые клинки. На спине, едва различимые в полумраке, трепетали полупрозрачные крылья – не птичьи, но похожие на перепонки летучей мыши, окаймлённые багровым свечением.

Его движения были плавными, почти гипнотическими, каждое – как струя дыма, извивающаяся в воздухе. Он ступал бесшумно, оставляя за собой едва уловимый след из мерцающей пыли, которая пахла чем-то сладким и одновременно гнилостным: ароматом запретного наслаждения.

Одежда его, если это можно было назвать одеждой, состояла из теней и тумана, облегающих тело подобно второй коже. Она то сгущалась в очертания благородного камзола, то рассеивалась, обнажая участки кожи, испещрённые таинственными руническими знаками, пульсирующими в такт дыханию.

В его присутствии воздух сгущался, наполняясь тяжёлым ароматом благовоний и металла.

Так он застыл в метре от изголовья моей постели – прекрасный и чудовищный одновременно, воплощение соблазна, за которым скрывалась бездонная тьма.

Тяжело сглотнула. Натянула одеяло до подбородка и приказала себе не дрожать. Положа руку на сердце, жуткое создание, но было в нём что-то влекущее, то, что мешало отвести взгляд и попросить согнуться в безвестности. Некая аура или налёт мужественности – не понимала толком.

– Засыпай, красавица. Этой ночью никто не потревожит твой покой, – всё тем же сладостным голосом пропел Темир и растворился в тенях.

А я почему-то послушалась, легла на живот и забылась.

От автора: с нейросетью мы так и не договорились, поэтому вместо придуманного мной демона она выдала вот это недоразумение. Поэтому отсеки эльфийские уши и ужасные рога (ИИ почему-то всех демонов ваяет с таким лосым придатком, хоть кол на голове теши).

Но в целом это самое близкое к тому, что виделось в моей голове.

Пы.Сы. Не забывайте комментить и слать автору сердечки) я буду передавать их братьям! От кого наберется больше всего - они навещают во сне.

Глава 4

Первые лучи солнца невесомо заскользили по коже. Вначале коснулись плеча, сползли к локтю и переместились на внутреннюю сторону запястья, даруя ласковое тепло. Улыбнулась и сладко потянулась всем телом, расправив руки над головой. Одеяло поползло вниз, обнажив бедро. Греющий блик света тут же накрыл открывшийся участок. Искрами запорхал над кожей, потом вдруг обрёл пальцы и поддел кромку белья.

Глаза распахнулись сами собой, и я уставилась в холодные пустоши синеватого взгляда.

– Не дёргайся, – хриплым шёпотом сказал Зар. – Я всего лишь хочу доставить тебе удовольствие.

Чего? Вылупилась на него с чётким намерением заорать и даже отмахнуться по матушке с батюшкой, но миг примолкла.

Длинные пальцы уже пробрались под треугольник трусиков. Средний протолкнулся к складочкам, прочие мягко вдавили плоть. Охнула от остроты ощущений.

Зар приоткрыл губы и обвёл кончиком языка нижнюю, заставляя её блестеть от слюны. Между нами было всего несколько сантиметров свободного пространства. Я отчётливо чувствовала касания его грудной клетки на вдохе, но ещё более сильно – дразнящее шевеление пальца. Подушечкой он кружил около входа, а ладонью настойчиво растирал центр удовольствия, учащая мой пульс и вынуждая закрыть глаза.

Яростный спазм заставил мышцы сжаться вокруг его пальца, когда тот без предупреждения ворвался внутрь. Вскинула руки и ухватилась за подушку.

– Мне продолжать? Или оставить тебя в покое? – искушающим тоном спросил этот образчик соблазна. – Ты ведь так хотела, чтобы мы держались подальше...

– Нет, нет, пожалуйста, не останавливайся, – отчаянно взмолилась не своим голосом.

– Может быть, так? – он добавил ещё один палец и помассировал во мне что-то такое, что отозвалось взрывом ярчайшего удовольствия.

До того крепко зажмурилась, что под веками заплясали радужные огоньки. Стона сдержать не сумела и прогнулась в пояснице, встречая деликатные толчки.

Больше он нигде меня не касался, и это заставляло сосредоточить всё восприятие на единственном клочке тела. Хотя грудь ныла в поисках ласки, и соски упрямо топорщили ткань майки.

Резинка белья впивалась в бёдра и почти трещала по швам под натиском его руки. Изучающие движения быстро сменились жадными рывками. Зар трахал меня пальцами. Голодно. Искусно. До умопомрачения приятно.

Привстала на пятки и оторвала таз от матраса, чтобы дать ему полную волю. Финал приближался стремительно. Не успевала задумываться или охать, лишь дышала, как чёртов разогнавшийся с горы паровоз и вторила каждому проникновению.

– Поцелуй меня, – снова попросила будто не я и сложила губы трубочкой.

Зар хмыкнул, добавил третий палец, и меня словно сбросили с крыши высотного здания. Дух перехватило, в мозгу коротнуло. Не поняла, в какой момент нас стало трое, но уловила, как мою голову развернули за подбородок и губ коснулось что-то приятно влажное со вкусом малины.

Отпустила измученную подушку и обеими руками вцепилась в затылок Тёмы. Его брат измывался надо мной самым бесчестным образом. То складывал пальцы в подобие полукруга, то распрямлял в ряд, растягивая меня почти насильно.

Боль с акцентом экстаза разливалась по венам. Тёма добавлял в неё нотки удушья. Так властно таранил мои губы языком, что не продохнуть.

– Ты вся течёшь, – хриповато подметил Зар, кончиком языка повторяя все изгибы моей ушной раковины. – Для меня или для него?

А я и ответить не могла. Теснее сдвинула его руку бёдрами и взвыла от блаженства, когда кто-то из них, наконец, догадался уделить толику внимания моей груди. Так рьяно смяли полупшарие, пощипывая сосок через одежду, что я вырвалась из поцелуя и жадно хапнула глоток воздуха. И тут же пьяно устала на брюнета, который сосредоточенно жамкал в ладони мою грудь.

Вопрос «Какого дьявола происходит?» меня не посетил. Вместо этого впила пальцами и взглядом тёмненькому в горло, царапнула ногтями по выпирающему кадыку и устремилась к картинным мышцам. Никогда вблизи не видела ничего более лакомого и искушающего.

Зар, наверное, приревновал или вознегодовал за то, что все порывы достались брату. Он вдруг покинул моё тело на несколько секунд, а потом рванул трусики к коленям и...

Проснулась резко, словно кто ушат ледяной воды опрокинул. Села рывком и опасливо огляделась – никого. Только кровать являла собой поле сексуальной битвы: простыня смята, одеяло сбито в ком где-то в ногах, подушки разбросаны по периметру. Ощупала матрас и убедилась, что тёплой кажется только участок подо мной. Хотя... Они ведь демоны, живущие исключительно в моих фантазиях. Может статься, они не оставляют физических следов своего присутствия.

Дышалось по-прежнему тяжело. Внизу бушевало огнище неудовлетворённости. Воровато провела ребром ладони по промежности и залилась стыдливым румянцем. Захотелось продолжить начатое и довести себя до финишной прямой. И я почти поддалась этой мысли, когда из гостиной грянул взрыв хохота.

Ну я вам сейчас устрою, парочка миньонов!

Ворвалась в зал подобно ужасу, летящему на крыльях ночи.

– Вы чего расселись, м? Живо разведали, как от вас избавиться! Заклинание, ритуал, обряд – мне без разницы, но к полуночи ваши задницы должны водвориться обратно в ад!

Оба сидели на диване и тарасились в телевизор, а на экране – батюшки! – советская комедия «Операция «Ы». При моём появлении, да ещё с грозной речевкой, Зар не шелохнулся, Тёма лишь слегка повернул голову.

– К твоему сведению, псевдо-ведьма, для поиска нам необходимо обрести тела, – с вящим морозцем в голосе провозгласил блондин. – Проблемно, знаешь ли, слоняться по свету, когда не можешь оторваться от тебя дальше пяти метров по пересечённой местности.

– Так что у нас загвоздка, – развёл руками его брат.

– А напитаться энергией от других вы не можете? – подбоченилась, ясно давая понять, что не рассматриваю их в качестве... Да вообще не рассматриваю!

– Соседка справа – бабушка божий одуванчик, – всё так же безразлично ответил Зар, обращаясь к плазменной панели. – Честно признаться, не в моём вкусе. Слева проживает забулдыга, в данный момент пребывающий в диком угаре. Остаётся выбрать из двух кандидатов сверху или снизу. Над тобой хозяйничает одинокая разведёнка, внешне вполне приемлемая. Под нами обитает студентка. Не красавица, но симпатичная. На ком остановимся?

Только в эту секунду он удосужился посмотреть на меня. Окинул взглядом с головы до ног, снова задержался на голых ступнях, потом проделал обратный путь к макушке, замирая подолгу на линии бёдер и шее.

– Мне нет никакой разницы! – притопнула ногой и развернулась, чтобы уйти, когда проклятый белокурый демон вырос из ниоткуда и стеной встал на пути.

– Тебе не может быть всё равно, – пробасил с отвращением. – А, знаешь, почему? Потому что весь процесс тебе придётся проделать самой. У нас нет физических оболочек, только, как ты сама выразилась, фантики. И эти фантики, – он шагнул вперёд и двумя пальцами надавил мне на висок, будто производя прицельный выстрел, – живут в твоей буйной головушке.

Хочешь нас материализовать за счёт чужой сексуальной (*меня повело на этом слове, так сказочно красиво он его мурлыкнул*) энергии, будь готова предоставить мне своё тело.

– То есть... – уставилась на него, как на чудо-юдо.

– То и есть, – кивнул Зар. – Хочешь решения проблемы,пусти меня в себя. Либо как мужчину, либо как подселенца. Дать время поразмышлять?

Вот это я понимаю: вляпалась грандиозно! А перспективы какие шикарные: переспать с двумя мужиками или раздвинуть границы возможного и напроситься на реальный опыт с особью своего пола, притом дважды.

Беспомощно оглянулась на Тёмку. Он печально улыбнулся, подтверждая, что всё сказанное братом – истина в последней инстанции. Велико-мать-вашу-лепно! Пойду проорусь от счастья!

Пока готовила завтрак, пыхла от злости. Кляла весь мир, в частности подругу Леру и ту парочку из гостиной, которая ухохатывалась над приключениями Шурика.

Поесть в одиночестве не вышло. Не успела прижать жопень, как рядом плюхнулся Тёма, а напротив завалился Зар в компании своей надменности. Блонди тиснул у меня кружку с кофе, чернявый пододвинул к себе тарелку с омлетом.

– И что ты надумала? – вполне дружелюбно спросил голубоглазый демон.

Только сейчас заметила, что они сменили рубашки на футболки. Цвета остались теми же. Зар шеголял в чёрном, Тёма слепил белизной. У обоих руки были обнажены до предплечий, и по коже змеились чернила татуировок.

Пристально вглядываться побоялась, отметила про себя, что у златовласого рисунки какие-то мрачные, готические, я бы сказала, а у весельчака наоборот – мягкие линии, цветочная тематика, что-то воздушное. Ещё бросилось в глаза, как натягивались рукава у обоих при всяком движении. Какие мускулы прозябают в бездействии, а?! Им бы железо в спортзале тягать, да орущих котов с деревьев срывать.

Тряхнула спутанными со сна волосами и заставила мысли течь в нужном направлении.

– Меня вы не получите ни при каком раскладе, – ответила жёстко. – Ни с задранной юбкой, ни с душой нараспашку. Кстати, а у этой нашей связи...

Примолкла, когда заметила, с каким аппетитом Темир уплетает мой омлет. Вилкой орудовал как веслом. Челюсти тоже не отставали. Вот тебе и не материальный демон, аппетит как у вахтовика.

– Ты тоже голоден? – спросила у Зара из праздного любопытства.

Он с недовольством посмотрел на брата, ополовинил кружку с кофе, поморщился – да, я люблю с сахаром и сливками, – и хитро усмехнулся.

– Голоден. Накормишь?

Прозвучало очень двусмысленно, особенно если учесть, с каким нетерпением он усталвился на мои губы и как при этом расширились его зрачки.

– Тоже омлетом? – спросила быстро и чудом подавила глуповатое хихиканье.

Почему-то в тандеме с ним ощущала себя отнюдь не властительницей, а крошечной пешкой в руках безжалостного гротескмейстера. Он смотрел – я плавила. Он вдыхал – мне хотелось выдохнуть в унисон. Пытка чистой воды.

«Собой», – грянул в голове мягкий, как касание велюра, голос.

И я детально вообразила эту картину: как забираюсь на стол, расталкиваю солонку и перечницу, как ползу к нему и перелажу на его бёдра, а потом вонзаю зубы в притягательную нижнюю губу и чувствую на своей коже марево его дыхания.

Окаянный демон словно нарочно откинулся на спинку диванчика и вздёргнул поросший золотистой щетиной подбородок, как бы празднуя победу.

Выхватила у хамоватого брюнета вилку, доела жалкие крохи омлета, сгрызла тост со сливочным маслом и допила свойкофе. Усилием воли усмирила фантазию.

– Я хотела узнать, есть ли у нашей связи обратная сторона. Что вы возьмёте взамен исполненных для меня желаний?

Фух, справилась. Мысленно дала себе «пятюню».

– Ты спрашиваешь, не потребуем ли мы твою душу? – со смешком перефразировал Тёма.

– Именно.

– Инкубам не нужны души. Мы питаемся энергией, – пояснил он.

– Сексуальной, – внёс свои три копейки Зар, будто нарочно. Знал, крылатое отродье, сколь мощно на меня действует это слово в его исполнении. – Мы же не падальщики с перекрёстка. Частичка твоей внутренней силы в обмен на наслаждение (*и снова возжасдала двигаться ему по причинному месту, так чувственно описал звуками эффект от этого слова*). По моему, честная сделка.

Переваривала их увещевания секунд десять, потом собрала посуду и отнесла в мойку.

– Тогда собирайтесь. Отправляемся на поиски контрзаклинания.

Сказала и себе не поверила, до чего же глупо звучит.

Глава 5

Идти по улице в компании двух откровенно горячих мужиков, которых никто не видит, зато ты ощущаешь их присутствие каждой клеточкой своего изголодавшегося по чужому теплу организма, было... в диковинку. Оба подстроились под мой шаг. Зар возвышался слева, Темир – справа, а я шла между ними и мёрзла от одного их вида.

– Слушайте, нельзя было одеться как-то потеплее? Футболки в декабре в Сибири – это как-то не по сезону. Понимаю, что холода вы не ощущаете, только мне самой приходится ёжиться при взгляде на вас.

Блондин ухом не повёл, зато его брат прицельно стрельнул глазами по парню в широких штанах и дутым пуховике и тут же повторил его образ. Получилось довольно комично.

Лера встретила нас во дворе своего дома. Выскочила из подъезда пущенной стрелой и чуть не сшибла меня с ног.

– Ой, Стаська, а тебя каким ветром садануло?

Мы обнялись, расцеловались, при этом заметила, с каким интересом нас разглядывает Зар.

– Да вот, забежала узнать, где именно ты купила ту книжечку с заклинаниями. Помнишь подарок, который сделала мне на день рождения?

– А-а-а-а, тот вонючий томик! Стоило ли из-за него тащиться через весь город? Я же вроде говорила, что взяла его у бабули на вокзале.

– Точно! Из головы вылетело. Ты куда-то спешишь?

– Так на работу, Стась! Не всем повезло шаманить у монитора. Некоторым приходится топтать ножками, потом хлопать ручками и надрывать спину, – вкратце описала она свои будни пекаря на хлебозаводе.

– Точно, прости!

– Вечером споемся! – Лерка мельком чмокнула меня в щёчку и помчалась к автобусной остановке.

Я оглядела свою свиту, прикинула, можем ли мы позволить себе такси и полезла в карман парки за телефоном, чтобы вызвать машину, когда Зар выступил вперёд, перехватил меня за руку и решительно прижал к своему раздетому не по погоде телу.

Пикнуть не успела, как он уже с ворчанием набросился на мой рот своим. Смял губы, одну руку устроил на пояснице, второй завладел моим затылком и со всей горячностью принялся меня поедать.

Меня по-разному целовали прежде. Случалось склизко, неумело и безвкусно, порой выходило неплохо, но чувствовалось, что техника где-то прихрамывает, а тут выходил чистейший восторг. В ноздри ударил губительный мужской запах: морской бриз с нотками кардамона и горечью мяты (коленко-желейное сочетание, как оказалось); на языке взорвался вкус персика под шапкой взбитых сливок (лёгкие загло от глубокого вдоха, так жадно вдохнула) и голову вскружило ощущение полёта.

Я не противилась даже мысленно. Стало плевать, что передо мной демон, что он – нахальная тварь из преисподней, которая... что-то там. Мысли выключились, короче.

Меня закружило в водовороте ощущений. Перед глазами замелькали брызги цветов. Какофония городских звуков усилилась стократно, а после смолкла до кладбищенской тишины. Я привстала на носочки, сложила руки на бугрящиеся силой плечи и покачивалась на волнах небывалого удовольствия. Даже тот факт, что второе мужское тело вплотную прижалось ко мне сзади, не омрачил моего восприятия. Стало только теплее. И лишняя пара рук, лежащая на бёдрах, показалась очень правильной.

Зар отстранился первым. Зыркнул на меня потемневшими глазами, хищно облизнул кончик клыка, как какой-то насытившийся кровосос, и стряхнул с себя мои руки.

Чары развеялись в тот же миг. С трудом осознала, как жестоко меня провели. И тут же послышался нейтральный женский голос:

– Внимание, пассажиры! Поезд № 105, Москва – Владивосток, прибывает на третий путь пятой платформы. Просим соблюдать осторожность. Выход на перрон возможен только через подземный переход.

Одурело огляделась по сторонам. Внушительный фасад с колоннами и арочными окнами здания казался настоящим дворцом – солидным, немного строгим, но отчего-то уютным. Фонари мягко освещали крыльцо и заснеженные клумбы у входа, а над главным порталом горела крупная надпись «Иркутск», и в этом свете вокзал выглядел особенно торжественно, будто встречал каждого приезжего гостя лично.

– Сэкономили на такси, – объяснил Тёма моей отъехавшей челюсти и наконец убрал от меня лапищи.

Смерила Зара взглядом а-ля «двадцать тысяч рентгенов, чтобы у тебя волосы повылазили и зубы выпалились», внесла в воображаемую тетрадку обид пункт об убийстве парочки демонов (сегодня же засяду за «Сверхъестественное» и перепишу заклинание экзорцизма). Получается, белокрысый скот поцеловал меня отнюдь не по велению сердца. Подзарядился для своих фокусов, хороняка. Ух, отродье сатанинское! И я тоже хороша. Растеклась перед ним лужицей, мол, как приятно и бла-бла-бла. Кисейная барышня.

Разозлилась не на шутку. Сунула руки в карманы и молча поплелась за разнокалиберной парочкой. Жаркий блондин в футболке вертел башкой в разные стороны, высматривая уличных торгашей. Раздутый от верхней одежды брательник пружинисто вышагивал рядом.

– И как? – наседали на старшего, выпытывая ощущения от поцелуя.

– Возьми и попробуй. Только ожидания поубавь.

– Неужто не вдохновило?

Зар оглянулся через плечо, сощурился, глядя на меня и покачал головой. Демонстративно. Чтобы задеть.

Постеснялась показать прилюдно жест, обозначающий четыре согнутых пальца и всего три слова, но мысленно отвела душеньку и пожелала демонюговым чреслам заржаветь в бездействии.

– С тобой мне это не грозит, – не то вслух брякнул, не то вонзился своим змеиным шипением в мозг.

То есть я ещё и доступная, да? Ну держись, Светик! Материализуешься ты у меня не раньше следующего столетия!

По счастью мы всё же наткнулись на горстку продавцов, подпрыгивающих на морозце близ столиков из подручных материалов. Кто-то торговал потрёпанными книгами, кто-то скакал рядом с одной единственной картофелиной и рукописным ценником «250 руб ведро». Бабушка, закутанная в серую шаль, предлагала байкальские сувениры: магнитики с нерпами, фото достопримечательностей острова Ольхон и прочую мелочь.

– Здравствуйте! – обратилась я к ней. – Летом тут торговала женщина. В возрасте. Седовласая. Книжки коллекционные продавала. Ну, знаете, которые выглядят, будто им на вид пару сотен лет, – напропалую сочиняла.

Розовощёкая торгашка шмыгнула приплюснутым носом:

– Кажись, припоминаю такую. Капитолина её звали, всякий ширпотреб сюда таскала, потом за бесценки раздавала. Чокнутая.

– Да, вроде она, – мне вспомнились слова Леры о том, что гримуар достался ей за гроши.

– Не подскажите, как нам... как мне её найти?

– Слышь, Семённа, Капитошку ищет, – хохотнула сувенирщица, потом с подозрением посмотрела на меня. – А тебе зачем?

– Да я по лету у неё очень хорошую книгу приобрела. Восемнадцатый век, прекрасная сохранность. Хотелось узнать, может, что-то из той же серии есть. У меня отец коллекционер, будет ему прекрасный новогодний подарок.

– А-а-а-а, – понятно воскликнула пожилая дама и стянула на горле края шали.

– Так энто, тебе вверх по улице надоть, – вмешалась в разговор Семёновна и махнула рукой в нужном направлении. – Дом тридцать пять или сто тридцать пять, уж не упомнить.

Старый частный дом вблизи железнодорожного вокзала стоял, погружённый в зимнюю стынь, – покосившаяся кровля, припорошённая снегом, словно сторбилась под тяжестью прошедших десятилетий. Облупившаяся краска на бревенчатых стенах обнажала сероватую древесину, испещрённую трещинами и тёмными пятнами сырости. Узкие окна глядели тускло и недобро, а одно из стёкол было треснуто – тонкая паутина трещин мерцала в тусклом свете зимнего дня.

Вокруг дома сугробы лежали неровно, будто кто-то бродил тут ночами, оставляя глубокие, путанные следы, а скрипучее крыльцо, накренившееся вбок, казалось, вот-вот рухнет под первым же порывом ветра. Всё в этом обличье – от покосившегося дымохода, увенчанного шапкой инея, до облезлых резных наличников, напоминающих когтистые лапы, – навевало тревогу и подсказывало: за этими стенами вполне может таиться что-то древнее, недоброе, словно сама зима поселилась здесь задолго до первых снегов.

Я постучала в окно, с опаской пошла за незапертую калитку и затарабанила в дверь – с нулевым результатом. Зар постоял пару минут на крыльце веранды и тщательно вслушивался во что-то. Потом потрянул медовыми патлами, стряхивая с себя снежинки и разочарованно сказал:

– Я в ноль, пробуй сам. Транспортировка меня полностью выжгла.

Тёма встал рядом и тоже наострил уши, однако сдался ещё раньше.

– Не, братка, не моя стихия.

И оба уставились на меня.

– Даже не думайте. Кукиш тебе вместо энергии, – живо уловила суть их идеи.

– Тебе нужно от нас отделаться или как? – надавил на нужную точку светлоглазый прихвостень Люцифера.

Зарычала и подошла ближе.

– Только без рук, понял?

– Поцелуем не отделаешься, – Зар аж искрился воодушевлением. – Постони для меня.

– Чего?

– Того. Изобрази удовольствие. Подумай, как вхожу в тебя, как медленно двигаюсь или, наоборот, деру с бешенством. Могу помочь картинками.

Меня ошпарило жаром от его слов, таких бесстыжих и произнесённых чуть ли не со скупающей миной. Только во взгляде, устремлённом ко мне, мелькнула искра чего-то человеческого, но тут же пропала.

Открыла рот и смущённо ойкнула.

– Ещё, – запальчиво воскликнул Зар. – Громче и чувственнее.

Уставилась на его губы, вспомнила их преступный вкус и выдохнула резко. Потом ещё несколько раз и, сама того не замечая, приблизилась к обоим. Взялась за Тёмкину руку.

– Да-а-а-а.

Зар удовлетворённо хмыкнул. Толкнул меня к брату, а сам приник губами к уху и зашепел:

– Ты ведь поглубже любишь, правда? Чтобы тебя брали. Почти насильно. Без предварительных ласк, потому что от них ты быстро становишься мокрой и чувствительность притуп-

ляется. Глупость полная, конечно. В тебе просто не побывал член, который устроил бы тебя размерами. Такой сложно впустить на сухую.

Тёма погладил меня по макушке и прикрыл веки, ловя мой рваный стон губами. Не поцеловал, нет. Просто позволил выдохнуть.

Зар стоял по левую руку от меня и вдруг приблизился почти вплотную. Вздрыбленная выпуклость на его джинсах тесно прижалась к моей ладони, позволяя прочувствовать размер и крепость. И то, и другое полоснуло огоньком по внутренностям.

– Нравится? – прекрасно зная ответ, спросил он. Нет, не спросил. Он выжигал звуки у меня на виске и скользил губами к мочке уха.

– Очень, – ответила, глядя в карие глаза Темира.

– Тогда порадуй меня по-настоящему. Изобрази оргазм. Как ты кричишь, когда кончаешь.

Я попыталась что-то разыграть, однако не успела опомниться, как меня затянуло в вихрь утренних мечтаний.

Зар сорвал с меня трусики, развернул на бок, шлёпнул по заднице, вынуждая откляничиться и потёрся членом о ягодицы. Тёма задрал на мне майку и со стоном приник к груди. Облизывал и покусывал мягкую сферу, вынуждая изогнуться под странным углом. Бёдрами я прижималась к его брату, а соски, болезненно твёрдые и ноющие, подставляла под его губы. И едва он вобрал один из них в рот, как сзади в меня вошёл Зар. Задохнулась от удовольствия. Рывком, до основания. Его пальцы глубоко вонзились под кожу на бедре, принуждая поддаться напору.

– Вот так, Станислава, – вернул меня к реальности саркастичный голос. – Ты умеешь стараться.

Дурман сдулся. Лишь где-то под слоями одежды взвыло всё тело, которое раздраконили самым немислимым образом.

– Ну ты и мудак, Светозар, – отозвалась с достоинством и шагнула через порог, раз уж демонюге хватило энергии открыть запертую дверь.

Внутри нас ждало ого-го какое изумление.

Глава 6

Внутри дом казался лабиринтом забытых времён и тёмных тайн: тусклый свет коптящей масляной лампы едва пробивался сквозь клубы сизого дыма, наполнявшего пространство тягучей, почти осязаемой мглой. Стены, обшитые почерневшими от времени досками, хранили следы странных символов – выцветшие руны и пентаграммы проступали сквозь слои паутины. В центре единственной комнаты, утопая в полумраке, стоял массивный стол из тёмного дуба, покрытый пятнами воска и бурыми разводами. С тревогой подумала о засохшей крови. На нём – два медных котла с остатками бурлящей, зловонной жижи, от которой, извиваясь, поднимался пар. По углам притаились старинные сундуки с коваными замками, а между ними – полки с колбами, где плавали в мутной жидкости неведомые органы и скрученные зародыши.

В воздухе витал запах тлена, ладана и чего-то металлического, перебивающего дыхание. У дальней стены, за тяжёлой портьерой, скрывался алтарь: на чёрном камне лежали два обсидиановых кинжала, а рядом – раскрытая книга в переплёте из потрескавшейся кожи, страницы которой шелестели сами по себе, будто перелистываемые невидимыми пальцами.

Где-то в глубине, за запертой дверью, доносилось глухое рычание и скрежет когтей по дереву. Собака там, что ли?

Каждый шорох, каждый скрип половиц отзывался в этом пространстве эхом древних проклятий, словно сам дом дышал, выжидая момента, чтобы поглотить незваных гостей.

Зар шёл впереди и с каждым шагом мрачнел всё сильнее. Тёма держался ближе ко мне, но не трусливо, а будто оберегая.

Тепла в хибаре не чувствовалось. Выдыхаемый воздух облачками вырывался наружу и зависал в воздухе. Краем глаза заметила, что руки раздетого демона покрылись мурашками, а белесые волоски встали дыбом.

Покосившись на алтарь с гримуаром, он направился напрямик к двери в чулан или подсобку, откуда слышалось ворчание и скрежет. Грубо сколоченная створка с ручкой в виде железного кольца внезапно ожила и заходила ходуном.

Я храбро взвизгнула и спряталась за спиной у чернявого. А Зар бесстрашно взялся за кольцо, провернул засов и распахнул дверь.

Жуткий вой окончательно добил.

– У-у-у!

– О-о-о-о-о!

– Фыр-фыр!

Вразнобой стенали некие существа, и я твёрдо решила дать дёру. Никогда не считала себя неврастеничкой, однако в ту минуту трухнула на все двести процентов.

Белобрысый демон ступил в чулан и щёлкнул выключателем. Скулёж усилился, и стало видно, кто издаёт эти тревожные звуки. Ахнула.

– Тише, мои хорошие, тише, – сладкозвучно запел Зар и наклонился к ближайшему мальчонке в обносах, что жался к стенке и опасливо поглядывал на исполина.

Заметила у ребятёнка на шее ошейник, от которого к штырю в стене тянулась крепкая цепочка, и трусоватость отступила. На первый план вышли негодование в компании вселенской ярости. Издеваться над детьми?!

Их было трое. Все на вид не старше десяти лет. Измождённые, околевающие. На восковых лицах сияли огромные глаза: три пары жёлтых прожекторов уставились на меня в одну секунду, стоило сделать робкий шаг к их камере.

Зар оглянулся на меня.

– Не подходи, – рыкнул повелительно и перешёл на то самое наречие, которое уже слышала от него прежде – смесь грубых звуков и певучих интонаций.

Крайний узник ответил ему тем же набором слов.

– Они не люди, да? – шёпотом обратилась к Тёмке.

– Сумеречные тройняшки, низший вид демонов. Вы их называете бесами или пакостниками. По сути своей безобидны.

Пока мы тихо переговаривались, Зар освободил самого исхудавшего мальчугана. Тот низко поклонился в знак благодарности и помог избавиться от оков брату, что сидел напротив.

Беседа на inferнальном диалекте всё не смолкала. Сердобольный демон сыпал короткими словесами, пленники подобострастно отвечали и безостановочно кланялись в ноги спасителю, потом всей процессией потянулись в зловонную комнату. Выстроились в ряд у алтаря, захлопнули зловещую книженцию, которая всё шелестела страницами, и с трудом стащили вниз. Правый бесёнок командовал, двое остальных привстали на цыпочки и завладели диковинным фолиантом.

Все трое повернулись к нам с Тёмой.

– Вас она тоже хотела заточить, – огорошил новостью оборванец, что давал распоряжения своим братьям. – Всех троих.

– А я-то тут при чём? – воскликнула в изумлении.

– Ты – источник, – тоненьким голоском, от которого кровь стыла в жилах, втолковал бесёнок. – Их источник, – кивнул на демонов.

Зар свёл воедино русые брови. Тёма посмотрел, как на экспонат кунсткамеры, словно вообще увидел впервые.

– И как это понимать? – полезла с расспросами.

Блондин торопливо подозвал к себе троицу, составил в полукруг и накрыл руками их плечи. Забормотал что-то на своём рычаще-ласкающем языке. Скрипучие половицы под босыми ногами вспыхнули синевой. Откуда-то потянуло холодком. Приятно запахло озоном, как перед июльской грозой. Тьма в избушке сгустилась до консистенции жирной сметаны. Казалось, её можно черпать ложкой. А потом троица растворилась во мраке. Свечи на алтаре разгорелись ярче, керосинка затрещала, и всё смолкло.

– Книга... Гримуар! Зачем вы её отдали? – запоздало всполошилась.

– Заклинания или ритуала не существует, – хмуро сказал Зар.

– В смысле? – недоумевала.

– Потому что ты наша присная, – с тяжёлым вздохом пояснил Тёма.

– Сам ты пресный, понял?!

– Не пресная, а присная, – златовласый закатил глаза, дивясь моей глупости. – Истинная, настоящая, подлинная. Суженая в общем.

А-а-а-а, ну тогда ладно. Стало куда яснее. Я, оказывается, предписанная судьбой невеста – так бы сразу и втемяшили.

– Совсем с головой не дружишь? – разъярилась. – Какая я тебе, к чертям, суженая?

– Поверь, я в ещё большем недоумении, – не задержался с ответом светленький.

А вот тёмненький аж зарделся от удовольствия и полез с объятиями.

– Я знал, чувствовал с самого начала, – сгрёб меня в охапку и стиснул под рёбрами. – Недаром ты мне сразу понравилась!

Он и целоваться полез, рогатый служивец в царстве Гадеса, только я уклонилась и с неведением уставилась на Зара. Если бы не знала, что у этого хладнокровного истукана начисто отсутствует чувство юмора, решила бы, что эта парочка меня разыгрывает. А так только хлопала ресницами и испытывала несварение мыслей.

– Печати – не символ нашей тебе принадлежности, они ознаменуют наш союз, – внес конкретику Светозар. – Именно поэтому я легко могу преодолеть твоё сопротивление и игнорировать твои желания. Я не раб, а муж.

– Да в жопу тебя! – фыркнула и резко развернулась на каблуках. – Два чиконавта! Видала я таких мужей в макинтошах посреде зловонной лужи!

Ишь, чего выдумали! Не мытьём, так замужеством! Ага, повелась.

Стремительно промаршировала к выходу. Ярость клокотала в такой концентрации, что, будь в хибаре электричество, пробки повышибало бы напрочь.

Вынеслась на улицу и напрямик к дороге. Махнула рукой перед первым попавшимся автомобилем.

– Куда тебе, красавица? – сверкнул зубами бомбила кавказской наружности.

Не удивилась, когда над ухом раздался львиный рык – это Зар выражал недовольство комплиментом от левого мужика. А сам-то? Тоже не пришей к глазнице пуговку!

Назвала адрес и полезла на заднее сиденье. Двое из гримуара не поленились обложить со всех сторон. Блондин устроился по правую руку и запыхтел, брюнет сел слева и одарил весёленькой улыбочкой. Впору зарыдать, знаете ли.

– То есть мне от вас не избавиться?

– Ну как тебе сказать... – заюлил Тёма.

– Можешь об этом мечтать, – безжалостно припечатал Зар. – Я точно буду лелеять надежды.

О, какая экспрессия!

Надулась, скрестила руки на груди. Спустя пару кварталов назрел очевидный вопрос:

– Как вы поняли, что я – та самая?

– Смотри, – взял слово Темир, – мы отыскиали ведьму, я имею в виду настоящую ведьму, которая всучила тебе гримуар.

И тут меня осенило! Та старушенция, что явилась ко мне на приём в конце весны! Беззубая карга с горбом на полспины!

Живо прокрутила назад счётчик воспоминаний.

Начало мая – очень жаркая пора в работе цифровой магии. Праздники и обилие свободного времени порождают желание решить насущные проблемы, которые раньше откладывались в долгий ящик.

Я в основном специализируюсь на онлайн, но для отдельной категории населения пару раз в месяц даю объявления в газетах:

«Решаю сложные вопросы через эзотерику. Если вы в тупике – я найду ответ. Работаю с любыми запросами:

отношения (поиск партнёра, разбор конфликтов, прогноз совместимости);

карьера и финансы (точки роста, благоприятные периоды, риски);

саморазвитие (предназначение, скрытые ресурсы, блоки).

Методы: астрология, Таро, нумерология, энергетическая диагностика.

Первая консультация – со скидкой 20%. Звоните: (номер)».

Старушка позвонила в семь часов утра – отлично запомнила этот вызов, потому что он раздался столь рано и оказался единственным в тот день, – и записалась на сеанс ясновидения. Пришла заранее, что мне особенно понравилось, и с порога начала засыпать вопросами. Интересовалась сущей ерундой, как мне показалось: имя, возраст, опыт работы в сфере магических услуг. О себе почти не распространялась, зато охотно слушала мои рассказы.

Я попыталась соотнести образ скрюченной бабульки с виденным домом и поняла, что та вполне могла быть чернокнижницей. Раз или два во время сеанса в ней будто что-то менялось. Потухший старушечий взгляд вдруг разгорался с невиданной силой или кисти рук неожиданно обретали форму птичьих лап. Тогда я не придавала этому значения, подумала, что переутомилась, но вот сейчас...

– Тройняшки рассказали, что злобная колдунья преставилась месяц назад, – спокойно продолжил Тёма, вклиниваясь в мои собственные рассуждения. – На её дом было наложено специальное охранное заклинание – для его снятия Зару и потребовалась энергия.

– Постой, а те тройняшки... Неужто они месяц просидели взаперти?

– Да, бедолаги чуть не околели с голоду. Я отправил их к Саймону, – с толикой сострадания поведал Зар. Церковные колокольца с бубенцами, да ему не чуждо кое-что человеческое – прям удивил.

– К какому Саймону? – спросила нехотя.

– Семён Игоревич Самсонов, он же Саймон – светоч медицины и ведущий травматолог в клинике для сверхъестественных существ. Вампир и мой однокашник, – с энтузиазмом пояснил Тёма [более подробно узнать о Саймоне и подземной больнице, в которой он работает, можно в моём романе «Саймон» по ссылке: <https://litnet.com/shrt/1MKH>].

Я зацепилась за странную оговорку «мой однокашник», но отложила выяснение на потом. В данный момент надлежало разобраться, как меня угораздило занять приставку «присная» относительно двух демонов.

– Ну вот. Ведьма того – в ящик сыграла. Дом свой заперла, как сейф. Ты обратила внимание, что он один такой посреди улицы? Все остальные ухоженные, присмотренные, аккуратные, а этот – страшно взглянуть. Таким он и остался бы до скончания времён, если бы Зар не снял охранное проклятие. Полагаю, книгу с заклинанием она тебе нарочно втемяшила. Разузнала про день рождения...

Само собой! Она на приёме так прямо и спросила, когда, мол, родилась, а я, чтобы не завратиться, с дуру ляпнула настоящие цифры. Это же первое правило лжеца: когда есть возможность переплести вымысел с правдой, смело используй.

– ...Мы ещё в июле обратили на тебя внимание, но ты не довела ритуал до конца, так что нам пришлось отступить.

Вот дёрнул Люциферушка достать с антресолей ту гнилую книжечку. Жила себе без хлопот и в состоянии перманентного безденежья, чего заусило, спрашивается?!

– Всё те же бесы рассказали ещё кое-что о планах своей похитительницы, – вступил в беседу Зар. – Она знала о своём недуге и решила избавиться от него путём древнего обряда извлечения силы.

– Для этого потребовались троица пакостников плюс мы, – добавил Тёма.

– А я разве не пятое колесо в вашей телеге? – иронизировала напропалую.

Водитель обернулся и с милой улыбкой поинтересовался:

– Какой подъезд, красавица?

Зар снова оскалился. Мавр недоделанный.

– У супермаркета высадите, – попросила вежливо и подумала, что после всех новостей не лишним будет заглянуть в отдел алкоголя.

– Понимаешь, Стась, – вернул меня в русло разговора Тёмка, – связанные демоны, да ещё материальные – это такая мощь, о какой простой смертный человек может только мечтать. Для сравнения можешь представить гальванический элемент и ядерный реактор, где под батарейкой понимается демон в нашей теперешней ипостаси, а на месте атомной печи – всесильное существо, обладающее физическим телом и привязанностью к женщине.

Мне и тут свезло, как утопленнику, заимела аж два Чернобыля... Или Хиросиму с Нагасаки, если взглянуть на тему с другого ракурса. Счастливица, ничего не скажешь!

– Надолго это у вас, ну в смысле привязанность? – рискнула добить себя окончательно.

– Вечно, – с горечью изрёк Зар.

Ну чудесно же! Понятно теперь, откуда пошла традиция лепетать: «Отныне и присно, и во веки веков. Аминь». Её придумала убитая горем суженая, которую так же окольцевали в юном возрасте.

За что мне это? За что?!

Глава 7

- Ты когда-нибудь слышал о присной на двоих?
- С чего ты решил, что она предназначена нам обоим?
- Ха-ха-ха, не валяй дурака, Зар, тебе она нравится не меньше моего.
- Ни грамма. Она взбалмошная, истеричная, чересчур остра на язык и о взаимном уважении знает столько же, сколько я о жизни в раю.
- Бреешь. Или сам себя обманываешь.
- Всего лишь мыслю аналитически, в отличие от тебя. Три дня воздержания затмевают твой разум.
- На самом деле неделя, – горестный вздох.
- Разве ты явился сюда не из постели очередной блудницы?
- Нет, я навещал мать.
- А-а-а, хм-м-м, – долгая пауза. – И как она?
- По-прежнему никого не узнаёт. Называла меня то Асмодеем, то Абаддоном, а на прощание поцеловала, как Светозара.
- Всех припомнила, выходит, кроме тебя. Папаню и дядю в том числе.

Я приоткрыла один глаз и с напускным раздражением покосилась на Зара, что лежал на боку в паре сантиметров от меня. Лица я не увидела, лишь мощно сложенный торс, прикрытый, разве что, серебряной цепочкой с кулоном в виде лошадиного черепа да парой замысловатых татуировок.

Шея сильная, с выступающим кадыком и едва заметной пульсацией жилы. Его торс, словно высеченный из мрамора, дышал сдержанной мощью: рельефные плечи переходили в широкие, чётко очерченные грудные мышцы; под кожей перекачивались упругие бугры мускулатуры, выверенные, как у античной статуи. Пресс проступал жёсткими, разделёнными тенями пластинами – ни грамма лишней плоти, лишь сталь и грация. Кожа, бледная и гладкая, будто подсвечивала его изнутри нездешним светом.

Красивый, гад, притом настолько, что захлебнулась слюной и в то же время ощутила во рту африканскую сухость. Живо вспомнилось, что мужчины у меня не было без малого пол-года, и захотелось взвыть от досады. В ближайшее время ничего не изменится. Я охотнее согласусь на трепанацию черепа, чем добровольно отдамся одному из этих адовых соблазнителей.

Братья меж тем продолжали свой разговор на приглушённых тонах.

– Кстати, о родителе. Как думаешь, батька обрадуется новости о найденной суженой?

Со вздохом перевернулась на другой бок, что оказалось делом проблематичным, потому как оба болтуна разбросали свои лакомые тела поверх одеяла, и я вынуждена была бороться за каждый вдох.

Тёма улыбнулся мне широко и открыто и принялся почёсывать мою макушку, путая и без того всклооченные волосы. Как-то подозрительно быстро его пальцы сместились к коже за ухом, а потом и вовсе запорхали по шее.

– Обрадуется или нет, ты вскоре об этом узнаешь. Не думаю, что упустит из виду такую немаловажную деталь, как смена статуса сыновей.

– А кто ваш отец? – не размыкая век, спросила и мысленно заурчала, как кошка, добившаяся хозяйского внимания.

– Асмодей, один из четырёх верховных демонов, близких к Люциферу. Покровитель разврата, разрушения семей и игорных домов, – мягко пояснил Тёма и уложил голову поверх согнутой в локте руки, чтобы оказаться на одном уровне со мной. – Как спалось?

Спалось мне на удивление спокойно. Ни тебе грязных фантазий, ни жарких прелюдий в исполнении небезызвестной парочки. Только отдых и расслабление. Сладко потянувшись, выпростав из-под одеяла руки. Запоздало поняла смысл сказанного.

– Постой, – аж подскочила в волнении, – ваш отец – один из четырёх демонов, приближённых к Сатане? В смысле к Королю Ада?

– Почему мне мерещится благоговение в твоём тоне? – с осуждением пробурчал Зар. – По-твоему, эта такая великая честь, происходить от существа, прогнившего до корней волос?

Глянула на него, как на червяка, забравшегося в любимый десерт. Начинается с утра пораньше.

– Слушай, а почему бы тебе не зажать язык между зубами и как следует не сцепить челюсти?

– С вящим удовольствием сделаю это с твоим языком, – парировал без раздумий.

А я, садовая голова, притом туго соображающая, полезла на рожон:

– Ну рискни причиндалами!

Меня в секунду подмяли под себя и уложили поперёк кровати. Вытянутые над головой руки там и остались. Запястья сковало хваткой длинных пальцев. В нос ударил хмельной мужской запах. Надо мной нависла нешуточная и полураздетая угроза. Глаза в глаза. И я задышала чаще, чувствуя не только близость его тела, но и обморочное трепыхание сердца, которое очень впечатлялось всем происходящим.

Зар облизнулся. Я приоткрыла губы. Он повёл носом близ шеи и явственно коснулся кончиком края кружева на сорочке, а потом вполне по-настоящему вжался лицом в грудь и спустился к животу, где жарко выдохнул, и меня залихорадило. Непроизвольно расставила ноги шире и крепко обняла коленями его торс.

– Это приглашение? – свободной рукой он шлёпнул меня по бедру и тут же вжал мою ногу в себя.

Отрицательно помотала головой, хотя и намеревалась прокричать «Да!»

Блондин приподнял голову, глянул мельком на моё перекошенное вождением лицом, и опустил ещё ниже со словами:

– Тогда продолжай думать, что это насилие.

Вздохнуть не успела, как подол шёлковой ночнушки перекочевал на талию, а всё, что находилось ниже, перешло во владение демона. Он не церемонился со мной. Одним махом стащил трусики до лодыжек и укусил гладко выбритый треугольник кожи.

Даже не заметила, что руки больше не в плену у его пальцев. Запрокинула голову, упёрлась макушкой во что-то твёрдое (бедро Тёмы) и глухо застонала. А Зар уже развёл в стороны нижние губы и прошёлся между ними языком. Тут-то и стало понятно, что силы воли у меня три с половиной капельки. Спротивление отпало. Я хотела, чтобы он продолжил... Да что там! Готова была молить, унижаться и сулить баснословные богатства, лишь бы повторил этот губительный приём.

И как по заказу в это мгновение разразился залиистой трелью дверной звонок. Морок похоти смело снегоуборочной лопатой. Оттолкнула искусителя за плечи, вскочила с кровати и на бегу запахла в банный халат.

– Сюрприз! – ввалились в прихожую аж четыре стихийных бедствия, вернее, мои сестра с мужем и двое племянников.

Настя тут же всучила мне двухлетнего Ярика, а десятилетний Влад не преминул поздороваться:

– Привет, тётя Стася!

– А ты чего, дрыхнешь что ли? – визгливо поинтересовалась сестра. – Десять утра на дворе! Приличные люди давно повставали!

– Папа! – радостно возвестил малыш у меня на руках и крепче сдвинул ручонками шею.
– Привет!

– Я тётя, а не папа, – ответила бутузу, затем сестре: – Я лучше буду неприличной, чем вваливаться в чужой дом спозаранку.

– Не бурчи, мелкая, – весело поддел зять Никита. – Морщины и седина преждевременно появятся.

– Мы на рынок решили сгонять. Погожий денёк, Кит вон премию внеочередную получил, чего ремонт откладывать, правда? Вот мы и привезли тебе детей на передержку. Посидишь с ними до обеда? Ладушки! Мы помчали! Да, у Ярика температура поднимается периодически, лекарства в сумке. Жаропонижающее строго по норме – не более пяти миллилитров один раз в восемь часов. Следи за временем очень строго, мы уже лежали однажды в больнице с острой аллергией на этот самый «Нурофен». Да ты помнишь же! Влад, кстати, позавтракал очень слабо, так что не забудь покормить его обедом. Малышок совсем ничего не ест, клык у него лезет, зараза, но ты всё же сообрази покушать на двоих. Вдруг он по примеру старшего поест? Хотя мы уже и не надеемся. Если что – на телефоне. Чао!

Она тарыхтела с такой скоростью, что не успевала вставить ни словечка, а после с не меньшей прытью выскочила в подъезд, прихватив с собой муженька.

Одурело вслушалась в едкую тишину.

– Тётя Стася, какой у тебя пароль от вайфая? – уточнил Влад, утыкаясь носом в экран планшета.

– Пить-пить-пить! Ляки маки! Бузю! – выдал в одну секунду Ярик, подпрыгивая у меня на руках.

– Филиал детского сада, – присвистнул Тёма, появляясь в прихожей. К счастью, одетым.

– Пароль «искра458», набирай русскими буквами на английской раскладке. А ты не лыбься так, не то материализую и переквалифицирую в няньку!

– Да хоть сейчас! – заржал весельчак и хлопнул в ладоши.

Малыш на моих руках покосился на звук и повторил шлепок ладони о ладонь.

Безмерно удивилась.

– Дети вас видят?

– Нет, – из спальни вышел откровенно злой Зар, врезал по мне зубодробильным взглядом и ласково потрепал агукающего пацанёнка по вихрастой макушке.

Ярик расплылся в улыбке, обнажающей бусинки молочных зубов. Демон от такого приветствия аж заискрился благодушием. Налёт враждебности сбило, как пыль после дождя.

– Но они чувствуют наше присутствие, – совсем другим тоном пояснил он и снова пощекотал пальцами впадинку на затылке малыша. Тот захохотал в голос и прижался ко мне щёчкой, явно прося продолжить щекотку.

Пришлось исполнять роль надзирателя с запретителем. Почти до обеда мы слонялись по квартире, отыскивая всё, что отдалённо напоминало игрушки. Ярику хватало терпения на тридцать секунд любознательности, а дальше вещь летела через всю комнату, и капризуля принимался хныкать и звать папу.

Старший мальчишка занял диван и провалился в мир коротких роликов глупейшего содержания. Ни голод, ни естественные надобности, ни внешние раздражители в виде орущего брата его не беспокоили – счастливое поколение онлайн. Для них хоть трава не расти, лишь бы доступ в интернет был бесперебойным.

– Станислава, ребёнок устал, – подал совет Зар, когда я в тысячный раз предложила Ярику сок и получила в ответ гневный вопль: «А-а-а-а!»

– Почему ты всё время зовёшь меня полным именем, доктор Спок? Я ведь не тыкаю в тебя Светозаром.

– Зато обзываешь Светиком, – блеснул он осведомлённостью. Ну ещё бы! Днюет и ночует в моей голове. – Переложи его с плеча на сгиб локтя, прижми лицом к груди и походи по комнате. Спеть что-нибудь можешь?

– Э-э-э, во саду ли в огороде бегала собачка. Хвост подняла, нафу...

– Понятно, не стоит утруждаться, – Зар ухмыльнулся и вдруг запел, притом абсолютно чисто, мелодично и... завораживающе.

*– Тихо-тихо, маленький свет,
Ночь плетёт серебряный след.
Я не знаю людских колыбельных,
Но спою, как поют в моей тени:*

*Там, где звёзды не светят, а дышат,
Где туман по камням скользит,
Спит невиданный лес– он слышит,
Как время в корнях звенит.*

*Ты не бойся– я, поблизости, здесь,
Хоть мой голос, как ветер, странен.
В нём и шёпот огня, и далёкие звоны,
И ритм, что в груди у вулканов сокрыт.*

*Закрывай глаза– вот и сон на крыле,
Он несёт тебя в сумрачный край,
Где ручьи из лунного света текут,
А деревья поют невзначай.*

*Я не ангел, не человек, не зверь,
Но сегодня– лишь страж твоих снов.
Спи, дитя, пока длится день,
Пока мир не расцветится вновь.*

В неверии посмотрела на маленького пройдоху у себя на руках. Ярик крепко спал и комично подергивал во сне губками в форме бантика, словно причмокивал воздух или воображаемую конфету.

Осторожно присела на край тахты. Кто-то заботливо подсунул мне подушку под спину. Обернулась и увидела Тёмку. Зар закинул мои ноги на сиденье и набросил сверху плед. Оба устроились на полу, будто пара сторожевых псов.

– М-м, как лестно, – добродушно хохотнул Тёма.

– Да, нас повысили до ранга служебных овчарок, – едко подметил Зар. – Впору гордиться.

– Если бы вы не шарились у меня в голове...

– С огромной охотой посвятил время чему-то более полезному, – продолжил насмехаться блондин. – Но вот незадача, я застрял тут с тобой и даже чихнуть не смогу, ежели засвербит, – он сцепил руки в замок и устроил на согнутых коленях.

Невольно поставила себя на их место и устыдилась. Это ведь разновидность плена, когда не принадлежишь себе и вынужден зависеть от колебаний чужого настроения.

– Я могу вас как-то отпустить? Не знаю даже... Отослать обратно в ад?

– Мы и сами можем уйти, – без промедления пояснил Тёма, – только вернёмся через минуту. Обретший пару не может находиться вдалеке от своей суженой. Это причиняет физическую боль.

– А давай проверим? – тоном авантюриста предложил ему братец. – Не терпится утереть нос этой гордячке.

– Ты хоть осознаёшь последствия?

– Всецело! – Зар в пылу азарта приложил кулак к груди, будто договариваясь с организмом. – Вытерплю. Всяко лучше, чем слоняться среди этих стен и давиться желаниями.

И они попросту сгинули. Так же стремительно, как появились. Без искр и фейерверков. Хлоп, и их не стало.

Глава 8

К вечеру я запаниковала. Слегка. Сестра забрала детей, поблагодарить за услуги няни, естественно, забыла, зато заболтала почти до потери сознания. Как они с супругом переругались вначале из-за обоев, потом не сошлись во вкусах в отделе сантехники, следом чуть не развелись при выборе встраиваемых светильников – я слушала вполуха, а сама поглядывала на часы.

Сейчас пятнадцать минут первого ночи. И вроде бы мне не должно быть никакого дела до парочки разнузданных демонов. Оба достаточно взрослые, чтобы уметь позаботиться о себе самостоятельно.

Вдруг поняла, что практически ничего о них не знаю, возраст в том числе. Только имя отца.

От безделья принялась шерстить интернет в поисках сведений о демоне по имени Асмодей. И вот каким представляли его демонологи.

В преданиях, где переплетаются иудейские апокрифы и христианские гримуары, Асмодей – демон, от одного имени которого стынет кровь. Этот шепот из древних персидских земель, звучит как *Aēšma-daēva* – «демон гнева». В еврейских текстах он – Ашмедай, в славянских сказаниях порой мелькает под личинами Китовраса или Енахи. Но суть неизменна: перед нами – властитель соблазнов, разрушитель уз и повелитель страстей.

Впервые он предстаёт во всей своей зловещей красе в «Книге Товита». Там Асмодей – невидимый убийца, который в первую брачную ночь лишает жизни семерых женихов Сарры. Он – тень, скользкая между брачными покоями, воплощение похоти и разрушения. Лишь с помощью архангела Рафаэля удаётся изгнать демона, связав его в пустыне, где он больше не сможет сеять смерть.

В иерархии Ада Асмодей занимает место среди семи князей (*Тёма говорил о четырёх*), приближённых к самому Люциферу. Его власть простирается над разрушением браков и семейных союзов; греховными страстями и плотскими желаниями (*сыновья явно унаследовали многое от папашки*); азартными играми и пагубными пристрастиями; войной и хаосом, ибо он – покровитель воинов, забывших честь. *Гнильё, а не мужик, одним словом.*

Внешность его – кошмар, облечённый в плоть. Три головы – человека, барана и быка – взглядывают с нечеловеческой злобой. Гусиные перепонки на ногах шепчут о нечистой природе, а дракон, служащий ему верховым зверем, источает пламя преисподней. Но опаснее всего его способность менять облик, принимая вид обольстительного незнакомца или близкого друга.

Асмодей – не просто разрушитель. Он – искушённый даритель. По оккультным поверьям, он может открыть тайны прошлого и будущего (*полезный навык, конечно*); указать путь к сокровищам, спрятанным в земных недрах (*эх, мне бы такие таланты*); обучить наукам и ремёслам, но ценой души (*понятно, листаем дальше; в аду все слишком падки до чужих нематериальных благ*).

Однако есть и средство против него. В «Книге Товита» сказано: дым от сжигания печени и сердца рыбы отвращает демона, заставляя его бежать от священного запаха (*вот ты ж головастики, у меня, как назло, ни единой селёдки в морозилке не завалялось*).

Так живёт Асмодей – демон, в котором сплетаются воедино соблазн и гибель, знание и безумие, власть и вечная жажда разрушения.

Захлопнула крышку ноутбука и отправилась спать. Завтра у меня полноценный рабочий день. Сверилась с расписанием, составленным когда-то давным-давно, когда во мне ещё теплилась надежда стать медийной персоной и заработать свой первый миллион (*эх, молодого зелено!*), и внесла незначительные коррективы по клиенту из таблицы записи.

Утро (7:00–12:00) – настройка и онлайн-работа

7:00–7:30 – подъём, медитация, запись намерений на день.

7:30–8:00 – завтрак без гаджетов, визуализация успеха.

8:00–9:30 – ответы на сообщения в блоге (комментарии, директ), подготовка постов (астропрогноз, «карта дня», мини-гадание).

9:45–11:15 – съёмка и монтаж короткого видео (разбор пика активности метеорного потока Геминиды, трактовка аркана Таро, лайфхак по защите от негатива).

11:30–12:00 – публикация контента, настройка таргетированной рекламы для новых клиентов.

День (12:00–17:00) – приёмы и консультации

12:00–13:00 – первый клиент (онлайн: астрологический разбор по запросу от Ольги Кост).

13:15–14:15 – второй клиент (тю-тю).

14:30–15:30 – перерыв: обед, прогулка, перезагрузка (без соцсетей!).

15:45–16:45 – третий клиент (онлайн: экспресс-консультация «вопрос-ответ» на картах Таро – пока «окно»).

17:00 – запись итогов приёмов, формирование отчётов для клиентов (краткие выжимки + рекомендации).

Вечер (17:00–21:00) – развитие и финансы

17:00–18:30 – работа над новым продуктом:

составление персонального гороскопа на месяц;

запись аудио-медитации для подписчиков;

подготовка шаблона «защиты от сглаза» для платной рассылки.

18:45–19:45 – созвон с партнёром/куратором (обсуждение коллабораций, рекламы, стратегии блога).

Так и дополним пометкой: тихий час, потому как в обозримом будущем у меня нет ни партнёров, ни кураторов, ни сочувствующих блогеров, жаждущих обменяться аудиторией.

20:00–21:00 – анализ финансов: учёт доходов от приёмов и продаж, планирование расходов (реклама, атрибуты для ритуалов).

Ночь (21:00–22:30) – завершение и защита (*запереть замки, проверить окна, выучить заклятие экзорцизма*).

21:00–21:30 – вечерний ритуал: очищение пространства (благовоения, соль), благодарность за день.

Ещё один ненужный пунктик, а в свете последних событий так и вовсе ждущий удаления. Как очистить пространство от двух надоедливых демонов я поняла путём нехитрого эксперимента: если постоянно доводить инкуба до точки кипения, в какой-то момент он свалит с горизонта.

21:45–22:15 – ведение дневника: запись интуитивных озарений, снов, наблюдений за знаками.

Мои недавние сны с пометкой «строго 18+» вряд ли следует записывать, изойду слюной.

22:30 – отбой (отказ от гаджетов за час до сна).

Важные правила

Энергетика: восполнять перед каждым приёмом – короткий ритуал (например, зажжение свечи, фраза-мантра).

Границы: чёткое время начала/окончания сессии; опоздания клиентов – не более 10 мин (иначе перенос).

Безопасность:

очные приёмы только по предварительной оплате;

онлайн-консультации через защищённые платформы;

отказ от «тяжёлых» запросов (порчи, мести).

Монетизация:

30 % времени – бесплатные активности для блога (вовлечение);

70 % – платные услуги (приёмы, продукты, подписки).

Взгрустнулось, когда прочла последние пометки. Когда-то я наивно верила, что всё получится. Наметила чёткую стратегию, постоянно совершенствовала знания, силилась из каждого обращения вынести полезный бизнес-опыт.

И поплакаться некому на то, как застряла в тупике. Надо бы собраться с силами, бросить эту эзотерику и устроиться в какой-нибудь офис. Вот только карьерные перспективы ужасали ещё больше маячившего на горизонте провала на стезе народной ведьмы. Запереть себя в бетонной коробке, приковать цепями к компьютеру, вставить пять дней в неделю в несусветную рань ради ежегодной прибавки к зарплате в размере одной тысячи рублей – подобная предсказуемость меня убивала.

Под эти невесёлые мысли забралась под одеяло, подползла к правому краю и полной грудью вдохнула аромат, идущий от подушки. Перед глазами аж заплясали цветные огоньки в момент узнавания. Зар. Несносный демонюга, который бесил меня одним фактом своего существования и восхищал не только внешней оболочкой, но и внутренним содержанием.

Уткнулась носом в наволочку и подтащила к себе ещё одну подушку, уже с противоположного края. От неё шёл лёгкий шлейф свежести и озорства. Тёмка. Он лёгкий, ненавязчивый, игривый. С ним просто, и не будь у него брата, мы бы давно замутили ни к чему не обязывающий романчик. Он из тех мужчин, которых природа придумала для отдохновения.

А вот задиристый блондинчик принадлежал к категории самцов, кои постоянно запинаятся о собственный член: самомнение размером с небоскрёб, эго – с башню Бурдж-Халифа, а уж запросы вполне могут перещеголять райдеры популярных звёзд. Взбалмошная и истеричная я для него, видите ли. Р-р-р.

Посреди ночи раздался стук в дверь. Громовой. Подскочила над матрасом, аж обнимаемые подушки разлетелись по разным сторонам. Сердце отбивало чечётку, пока кралась в прихожую.

Бам-бам-бам.

Как из автомата Калашникова по нервам.

Глянула в глазок и обомлела.

На пороге стоял Он. Не существо, не демон, а воплощение первородного ужаса, облечённое в плоть.

Его лицо напоминало выбеленный череп, покрытый трещинами. Глаза полыхали, как два раскалённых уголька из преисподней – они не смотрели, а пожирали взглядом, обещая вечную агонию тому, кто осмелится задержаться в их пламени. Рот кривился в гримасе страшнее любой маски. Зубы, острые, как осколки битого стекла, складывались в издевательскую ухмылку, а губы шевелились, будто нашептывая древние проклятия.

Рога... О, эти рога! Они вздымались над головой, как копья тьмы. Их поверхность казалась выточенной из чёрного льда. Волосы – ворох смоляных нитей, сплетённых в хаос, – ниспадали на плечи, извиваясь, как змеи, пробудившиеся от тысячелетнего сна. Они шевелились сами по себе, будто жили отдельной жизнью, ползли по плечам, сплетаясь в немыслимые узоры.

Алый плащ... Он был не тканью, а сгустком багровой мглы, застывшей в форме одежды, или кровавым одеянием самого грозного из всех всадников апокалипсиса – Войны. Края плаща сочились тёмной жидкостью, напоминающей расплавленный обсидиан, который капал на пол с тошнотворным звуком, похожим на чавканье голодного чудовища. Под плащом угадывались

очертания костюма – строгий, но искажённый, как отражение в кривом зеркале. Пряжка на поясе брюк походила на пасть хищника, готовую сомкнуться в любой миг.

Руки были воплощением кошмара в чистом виде. Кожа на них напоминала переплетение вороньих перьев и шипов, а пальцы заканчивались когтями, похожими на ржавые кинжалы. С их концов стекала субстанция, похожая на расплавленный металл, который, коснувшись пола, прожигал доски, оставляя зияющие дыры, источающие дым. Каждая капля звучала, как удар погребального колокола, эхом отдаваясь в висках.

Оно застыло в дверном проёме, словно сама тьма обрела форму. Я не поняла, почему открыла ему, и когда умудрилась это сделать – фигура просто заполняла собой проход, будто выдавливаясь из иной реальности. За его (*Асмодея! Разумеется, я узнала его*) спиной клубилась бездна – не просто тьма, а концентрированная пустота, пожирающая свет. Воздух вокруг вибрировал, как струна, готовая лопнуть, источая запах гниющей смолы и чего-то ещё... чего-то, что не поддавалось определению, но вызывало тлетворный страх, заставляя внутренности скручиваться в ледяной узел.

– Я пришёл за тобой, – зыбучим голосом, похожим на звук сыплющегося песка вперемешку со стеклянной крошкой, проговорил близкий соратник Люцифера. – Ты задолжала кое-что моим сыновьям.

И эта тварь потянула ко мне руки, схватила за горло и потащила в глубины ада, где меня жгли огнём, сдирали кожу слой за слоем...

– Тш-ш, Стась, проснись! Просыпайся, моя хорошая, – коснулся слуха смешливый голос, так не похожий на скрежет Асмодея.

Взвизгнула от лёгкого прикосновения к шее. Тело ещё помнило муки преисподней, всякую клеточку в нём покалывало фантомной болью.

– Стась, это я, Тёма. Ты в безопасности. Дома. В своей постельке. Не веришь?

С опаской приоткрыла веки, глянула в тёплые радужки, оттенком напоминающие топлёный шоколад, увидела золотые прожилки в них и с отчаянием повисла у демона на шее.

– Там такое было! – всхлипнула и прижалась к нему ещё теснее. – Ваш отец... Он... Уволок силой! Потом бросил в клетку, где... Кости? Человеческие! Я догадалась по размеру!

– Прекращай молоть чепуху, – Тёма засмеялся и погладил меня по волосам. – Это был всего лишь кошмар. Ни в каком аду ты не была. Смертным туда вход заказан.

– Ты не понимаешь! Я отчётливо помню...

– Хватит фантазировать, Станислава, – этот баритон, облачённый в глубокие звуки и гортанные интонации, резанул слух так, что подпрыгнула во второй раз.

Резко обернулась на голос. Зар. В глазах защипало от слёз. С нашей последней встречи, казалось, прошла целая вечность.

Он хмуро встретил мой молящий взор. Отлип от портьеры. Чинно прошествовал по спальне, неся своё великолепное тело, словно некий вожаемый трофей, и сел за моей спиной. Неловко обнял за плечи, задевая те участки кожи между моих лопаток, куда совсем недавно вонзали крюки для подвешивания.

– Стась, прекращай. Никто тебя не истязал. Нас не было всего до рассвета.

– Признай уже, что манипулируешь нами, – проворчал Зар и громко поцеловал в затылок.

Так мы и сидели втроём, сплетаясь в единое дышащее существо. Я всхлипывала, братья подбадривали и лгали напропалую.

Гиена огненная была. Она не приснилась. У меня бы воображения не хватило изобрести такое.

Глава 9

Вела онлайн-сессию через видеочат. Экран был разделён на две части: слева – клиентка под псевдонимом Ольга Кост (молодая женщина, слегка взволнованная), справа отражалось моё изображение в образе Азизы Туман в мягком освещении, на фоне – полки с кристаллами, свечи, астрологические схемы и... парочка видимых только для меня демонов. Зар со вселенской скукой на лице листал томик о нумерологии, Тёма шерудил мой школьный альбом с фотографиями и периодически глупо похихикивал.

Ольга нервно поправила прядь волос, откашлялась и сказала:

– Здравствуйте. Я отправила вам данные для разбора – дата, время и место рождения. Надеюсь, всё верно.

– Да, всё получено, – отозвалась с улыбкой. – Вижу ваш запрос, который вы назвали «На перепутье». Расскажите, что именно вас тревожит? Где чувствуете тупик?

Клиентка вздохнула:

– Всё как-то застыло. На работе – вроде стабильно, но нет драйва. Начальник хвалит, зарплата хорошая, а я каждое утро силком выгоняю себя из кровати. И с парнем... Он хочет свадьбу, а я не могу сказать «да», – она сделала паузу и посмотрела куда-то влево, после чего продолжила, не смотря в объектив, словно стеснялась своих мыслей. – Иногда кажется, что я просто боюсь рискнуть – например, заняться любимым хобби, фотографией. Но это же несерьёзно, правда?

Ко мне обращаются, чтобы услышать согласие, а не получить нравоучение, поэтому кивнула и запустила демонстрацию экрана, где отображалась наспех начертанная астрологическая карта.

– Понимаю ваши сомнения. Сама не раз задавалась вопросом, правильно ли выбрала жизненный путь. Общение с духами, – *вернее, демонами*, впрочем, вслух этого не сказала, – очень выматывает.

Зар за моей спиной хрюкнул, подавившись смешком. Мысленно вlepила ему чирка.

– Давайте посмотрим, что говорят звёзды, – сосредоточилась на горестях Ольги. – Сейчас у вас идёт транзит Сатурна по десятому дому – это как раз про карьеру и статус. Он проверяет: «Ты действительно хочешь этого? Или просто привыкла?»

Блондинистый задира не сдержался и заржал в голос.

– Поверить не могу, что слышу такое от, в общем-то, не глупой девчонки. «Сатурн проверяет, хочешь ли ты этого», серьёзно? Надеюсь, ты знакома с эффектом Барнума [он же эффект Форера – психологическое явление, при котором человек воспринимает общие, расплывчатые описания как точные и индивидуально значимые для себя], потому что эта фраза подходит почти к любому человеку в любой период жизни. Такие обобщённые вопросы легко воспринимаются как персональное откровение, хотя на деле ничего конкретного не объясняют.

Где критерии, по которым можно подтвердить, что именно Сатурн, а не, скажем, Меркурий или личные обстоятельства, «запускает» этот процесс?

И ещё кое-что, Станислава. Ты ведь отдаёшь себе отчёт, что твои действия – псевдопсихологическая манипуляция? Вопрос подаётся как «проверка», но на самом деле это просто способ заставить человека усомниться в собственных решениях, приписав внутренние переживания влиянию небесного тела. Это снимает ответственность с самого человека: «Не я сомневаюсь, а Сатурн меня испытывает». Ты освобождаешь человека от ответственности за его поступки и перекладываешь её на движение планет.

Слушала стариковский бубнёж вполуха. Водила курсором по карте и трактовала для Ольги значение тех или иных символов. В конце тирады всё же фыркнула:

– Тебе сколько лет, дедуля?

– Без малого три сотни, – пафосно возвестил ботаник.

– Оно и чувствуется. Занудничаешь на все пятьсот, кстати.

– Это он ещё не добрался до своей любимой темы, – вступил с комментарием Тёма и с громким хлопком закрыл альбом, – падение нравственного облика человека.

Он поднялся с тахты, обошёл моё кресло сзади и склонился над макушкой, складывая руки у меня на плечах.

– Почему ты занимаешься этой ерундой, если имеешь красный диплом по специальности «юрисконсульт»? – спросил и оценивающе оглядел клиентку.

Ольга напряжённо всматривалась в экран, который демонстрировал её астрологическую карту.

– Давай как-нибудь в другой раз обсудим, – я погладила его по руке и ненавязчиво сняла с себя. Всё-таки он был и остаётся инкубом, и каждый телесный контакт – это термоядерный хук по сдержанности.

Конкретно сейчас меня опалило холодком и вместе с тем обдало паром. Поёжилась от контраста ощущений и сосредоточилась на вопросе Ольги:

– И что он «говорит»?

«Он»? Явно не о демонах речь. Тогда о чём? Ах, да! Сатурн и его пагубное влияние, целиком опровергнутое Светозаром.

Застрекотала всю ту же чушь, краем глаза наблюдая за отступлением Тёмы.

– Сатурн не враг – он учитель. Сейчас он требует честности: если работа не радует, пора искать то, что зажжёт огонь внутри. Но он же предупреждает: резкие прыжки без плана могут обернуться потерями.

В этот момент ко мне подошёл Зар и прислонился задницей к столу.

– Мы могли бы помочь тебе с карьерой, – принялся забалтывать и без того вяло соображающий мозг.

– Буду признательна, если не будете мешать именно сейчас, – я похлопала его по ноге чуть выше колена, прося сгнуться в неизвестном направлении, и продолжила общение с заказчицей.

– А вот Нептун в пятом доме – это ваша тяга к творчеству. Он шепчет: «Попробуй. Даже если страшно».

– То есть это не просто блажь? – Ольга мгновенно ухватила за подачку.

– Нет. В вашем гороскопе пятый дом очень силен. Фотография – не хобби, а потенциальный путь. – Хотелось добавить: «Ты же ради этого написала, чтобы я погладила по головке твоё стремление отказаться от стабильного заработка и уйти во фриланс». – Но важно начать не с отказа от всего, а с малого: курсы, проекты на выходных. – Вооружилась кристаллом – обычной стекляшкой из отдела рукоделия – и возвестила с торжеством: – А теперь скажите: когда вы последний раз чувствовали, что «это – моё»?

Клиентка задумалась:

– Год назад снимала закат на море. Время словно остановилось... Меня захватило вдохновение! Отщёлкала больше семисот снимков! – дополнила с энтузиазмом.

– Вот ваша точка опоры, – молвила мягко.

Зар и не думал сваливать, поедая меня губительным взглядом, от которого под кожей зарождались полчища мурашек.

– Теперь об отношениях, – дрожащей рукой переключила вкладку на синастрию [синастрическая астрология, астрологическая совместимость – раздел астрологии, посвящённый оценке совместимости людей на основе сопоставления их натальных гороскопов]. – Ваш партнёр – человек надёжный, но в вашей совмещённой карте нет сильного взаимного «огня». Это не плохо, но если вы ждёте страсти – её придётся создавать самим. Вопрос в том, хотите ли вы этого.

– А как быть с тем, чего хочу я, Станислава? – с хрипотцой поинтересовался белокурый гад, вставая так близко, что наши ноги соприкасались.

– Зар, сгинь.

– У меня тоже есть парочка желаний, – напомнил о себе Тёма.

– Сейчас обоих свяжу и вытолкаю в подъезд, – пригрозила яростно.

– Может, лучше мы тебя свяжем?

– Или *ПРИ*вяжем. К кровати.

– У нас ведь осталось одно утреннее незавершённое дельце.

– И даже не думай отнекиваться. Ты хотела продолжения...

– Хватит! – почти заорала и зажала уши руками. – Вы меня с ума сводите.

Зар с довольной физиономией отчалил. Тёма хохотнул и хитро подмигнул мне, как бы заявляя, что разговор не окончен. Выдохнула и уронила голову на клавиатуру, чувствуя очередной упадок сил.

– Не знаю, – непонятно, к какому боку припёку ляпнула Ольга.

Потёрла глаза кулаками, забыв, что на мне боевой раскрас Азизы, и превратила себя в панду. Ой, пофиг уже.

– Звёзды не дают готовых ответов, но показывают варианты. Сейчас у вас окно возможностей: до весны можно пробовать новое без риска. Мой совет – заведите дневник творчества: 15 минут в день на то, что зажигает. И договоритесь с партнёром о честном разговоре – без обвинений, просто «я чувствую то-то и то-то».

– Спасибо, – любительница фотографии выдохнула с облегчением. – Даже легче стало. А если я решусь на перемены, как понять, что это моё?

– Когда внутри перестанет звучать «а вдруг?» и появится «наконец-то!» – это и есть сигнал, – посмотрела в камеру и улыбнулась. – И помните: вы не одиноки на этом пути. Обращайтесь, если нужны будут ориентиры.

Любопытно, кому адресовать свои проблемы мне? С кем обсудить невозможность держаться вдали от двух умопомрачительных демонов? И кто выслушает дилемму о том, что выбрать одного из них – нереально, но подпустить к себе обоих... Уму непостижимо!

– Обязательно. До свидания! – Ольга, сияя глазами, помахала на прощание.

– До свидания. Пусть звёзды будут к вам добры, – с тоской закрыла видеочат, вышла из-за стола и упёрла руки в бёдра. Открыла рот, чтобы произнести длинную тираду во славу негодованию.

Только Тёма оказался проворнее. Вмиг очутился рядом, обхватил ладонями шею, устроил большие пальцы на обеих щеках и поцеловал.

Сбилась с дыхания. Вопль возмущения зародился где-то в глубине и захлебнулся блаженством. Не успела распробовать вкус малины, как Темир тут же отстранился, глянул на меня сверху вниз и ухмыльнулся, довольный произведённым эффектом.

Я сама потянулась обратно. Привстала на цыпочки, запустила пальцы в густую шевелюру и тихонько простонала. Словами не описать ту лавину удовольствия, что захлестнула меня с головой. Я не просто целовалась, а будто нежилась в лучах ласкового утреннего солнца, вкушала самое утончённое из блюд гастрономии и падала в пропасть, осознавая при этом, что на дне меня ждёт мягкое приземление. И всё это происходило одновременно. Одно было неотделимо от другого.

Нас прервали в самый разгар вечеринки. Кто-то (*о, давайте поразмышляем, кто*) сцапал меня за плечи, резко крутанул к себе, запрокинул голову ещё выше и затянувшийся прыжок в бездну обернулся ещё более интенсивными ощущениями.

Зар не деликатничал, в отличие от брата, он наступал по всем фронтам. Подчинил себе мой язык, закинул обе руки на свои плечи и вздёрнул вверх, ухватившись за попу.

Честно, я не хотела обвивать его торс ногами и уж тем более не собиралась тереться о греховную шутовину, которая так агрессивно выпирала на его штанах, но... Прodelала всё без малейших колебаний. Просто потому, что он направлял, а я оказалась слишком восковой в его руках.

Балахон на мне задрался почти до бёдер. Тёма перекинул мои волосы через плечо и потянул вниз бегунок на молнии. Его губы тут же накнулись на ничем не прикрытую кожу. Я начала сходить с ума. Не понимала, в какую сторону выгибаться: то ли держаться ближе к Зару, который догладывал остатки моего самообладания, то ли подставляться под ласки Тёмы, что выводили на мне пламенные узоры.

Этот диссонанс помог собраться. С громким хлюпающим звуком оторвалась от блондина и проорала дурниной:

– Пустите! Оба! Живо! Слышь, верзила, поставил меня на пол немедленно!

Зар окатил меня таким презрением, что захотелось спрятаться под стол. Чудом сохранила покерфейс, а когда ступни коснулись паркета, без оглядки драпанула в ванную и заперлась на щеколду.

Набрала под краном пригоршню ледяной воды и вылила на полыхающие щёки. По правде говоря, следовало целиком окатить себя из душа, потому как плавилось во мне всё, начиная от кончиков волос и заканчивая ногтями на пальцах ног.

Помнится, в одной бульварной книжонке было упоминание внутренней богини – да-да, вилась такая у главной героини. Так вот, во мне явно прописался новорождённый демон похоти. И сейчас он зверствовал. Требовал прекратить этот цирк и вернуться к горячей парочке, чтобы довести начатое до конца. Вот только рациональная часть меня трухала перед этим самым финалом.

Я вполне могу вообразить, каково отдаться мужику вроде Зара. Ещё проще представить, каким будет секс с Тёмой. Но допустить мысль о развесёлом тройничке... Это как вообще? По очереди, что ли? Или, того хуже, одновременно?

– Стась, выходи, – окликнул Тёма и деликатно постучал в дверь. – Мы больше не будем. Ага, и меньше тоже.

– Так я вам и поверила, – крикнула в отчаянии и всплакнула оттого, что весь готический макияж поплыл и угольные чернила стали разъедать глаза. Вынула из шкафчика мицеллярку и ватные диски.

– Предлагаю перемирие, – нежданно вклинился в диалог Зар. – Попкорн, романтическая комедия на твой выбор и пустая болтовня. Проведём вечер по-людски.

С нелюдями, ахахах!

– Ладно, уболтали! Только руки, чур, держать при себе!

Знала, что это всего лишь отвлекающий манёвр, но мне, как и большинству женщин, нравилось обманываться.

Глава 10

По первости меня не покидало ощущение надвигающегося подвоха. Наша придурковатая троица, и вдруг застыла в идиллической прострации.

Тёмыч развалился на диване рядом с левым подлокотником. Спина утопала в широкой подушке, ноги широко расставлены и вытянуты вдоль кофейного столика. Я сидела к нему вполоборота, игнорировала настойчивое покалывание в том месте, где соприкасались наши плечи. С тем же успехом абстрагировалась и от того, что ступни мои лежали на бедре у Зара, который вальяжно расположился на другом конце дивана и изредка поглаживал мои пальчики или рисовал на подошвах щекотные узоры.

Экран телевизора мерцал яркими красками, шла уморительная комедия «Крысиные бега». От романтики я отказалась наотрез, забраковала даже фильмы с рейтингом 12+. Мало ли как отреагируют демоны на сцены с розовыми сопельками.

Попкорном хрустели все втроём, а спустя полчаса осмелились заговорить.

Первым нарушил тишину, естественно, Тёма.

– Так почему ты выбрала профессию кибер-чаровницы?

Зар покосился на меня, но головы не повернул. Изобразил отсутствие интереса.

– Потому что юриспруденция – это про логику, правила и доказательства, а гадание – про свободу, фантазию и создание своей реальности, – честно призналась и даже победно улыбнулась, когда светловолосый демон всё же не выдержал и посмотрел на меня с любопытством. – Я всегда любила нестандартные решения и не хотела ограничиваться чужими рамками: здесь я сама себе начальник, могу быть творческой и при этом помогать людям – только без бюрократии и строгого протокола.

Диплом юрисконсульта с отличием – не ошибка прошлого, а мой секретный козырь: он научил меня побеждать и мыслить стратегически. Но жизнь слишком коротка, чтобы всегда играть по чужим правилам. Так что я выбрала путь, где можно слушать не только разум, но и сердце, – и делать людей счастливыми с улыбкой и щепоткой волшебства.

– Ты хотела сказать, щепоткой обмана, – поправил зануда Зар.

– А ты никогда не обманываешь?

– Стараюсь избегать лжи.

– Заливает ведь, да, Тём?

– Ну, как тебе сказать. Чаще всего он и впрямь выдаёт правду в глаза, из-за чего частенько влипает в неприятности. Особенно в отношениях с отцом.

Поёжилась при упоминании этого мерзкого типа. И хоть братьям удалось меня уверить, что ни в каком аду я не была, а пытки и близкое знакомство с Асмодеем и его прислужниками мне только пригрезилось, настроение сразу вильнуло к отметке минус двести пунктов.

– Я тут краем уха слышала ваш разговор о матери. Она нездорова?

Зар застыл с занесённой над моей лодыжкой рукой. Метнул взор на брата, тяжёлый, запрещающий, но тот только отмахнулся и зачастил.

– Её зовут Лирия, и когда-то она была ведающей – не демоницей, не созданием из преисподней, а той, кто держал равновесие между мирами. Она знала языки ветра и камней, умела читать следы теней и врачевать не только тела, но и души. С Асмодеем она встретилась не в аду, а на границе – там, где реальность истончается. Он пришёл за знанием, она дала его не за плату, а за взгляд, за слово, за обещание. Родились двое сыновей: старший – словно отголосок отцовской власти, младший – отражение её собственной светлой упрямости.

Я слушала, затаив дыхание, и следила за странной реакцией Зара: он сжимал и разжимал кулак и так интенсивно стискивал челюсти, что доносился хруст зубов.

– Но равновесие рухнуло. Лирия попыталась удержать то, что держать было нельзя: вмешалась в сделку Асмодея с иными силами, хотела спасти то, что должно было сгореть. В ответ на её дерзость ей подарили проклятие – не смерть, а распад памяти и воли. Её сознание стало трещать по швам: вспышки ярости, как отголоски чужих воли и боли, провалы в ничто, как плата за попытку переписать судьбу. Её поместили в клинику, где стены глушат эхо миров, а ритуалы-фиксации лишь временно скрепляют её рассыпающуюся суть.

– О какой сделке идёт речь? И что пыталась спасти ваша мать? – не сумела сдержать любопытства.

– Асмодей заключил сделку с Тем, Кого не называют вслух. С Тенью Бездны. Не просто с демоном – с сущностью, что старше самих преисподних чертогов. Он хотел Источник Искржений – силу, что ломает законы миров, перекраивает судьбы, как бумагу. А платой должна была стать... наша мать.

Отец говорил ей: «Это лишь ритуал. Формальность. Мы возьмём силу и будем править». Но она узрела истину. Не слова – суть. «Когда три луны сойдутся в кольцо огня, и ведающая коснётся сердца Источника... Врата откроются. А плата будет взята без звона монет». Отец полагал, это значит – после. Мама поняла: сразу. Её душа была ключом, а тело – каналом.

Она отказалась от сделки. В основном из-за нас, её сыновей. Она увидела, что станет с нами, во что мы превратимся. «Не наследники – сосуды» – эту фразу она повторяет по сей день. Наши сущности могли раствориться в потоке, стать частью Тени. Такого она допустить не могла.

Во-вторых, её заботила судьба миров. Источник не просто даёт силу – он разъедает границы. К тому моменту она уже видела плечи дьявольского плана отца: сны, что оживают; мёртвые, что шепчут сквозь стены; время, что течёт вспять в отдельных местах. Если бы Источник пробудился полностью – всё бы смешалось. Наступил бы хаос.

Лирия попыталась запечатать его, используя древний обряд ведающих. «Моя кровь – это замОк» – ещё одна излюбленная её фраза. Она хотела скрыть сыновей, разорвать их связь с отцовской кровью. Хотела успеть.

Не успела.

Ритуал сорвался, но сделка живёт до сих пор. Источник активировался частично. Он тянет силу из всего живого. А маму поглотили отголоски Тени. И теперь она внутри неё. Растёт. Рвёт сознание на части.

Асмодей назвал её предательницей. Он не убил – оставил в живых. Как напоминание. Как позорный столб, а вовсе не из сострадания, которого не ведает.

Попыталась переварить историю несчастной женщины...

– Несчастной? – аж подскочил на месте Зар. – Ты хоть понимаешь, что она могла натворить? Она не жертва, а та, кто позволила с собой это сделать. Добровольно! Она должна была выбрать силу, а не милосердие; должна была выжить, а не рассыпаться. Её уязвимость – это позор, её просьбы о помощи – признак того, что она перестала быть той, кем я всегда восхищался. Она защитила нас от страшной участи, но при этом перестала существовать сама, чем развязала подонку-папаше руки!

Он вскочил на ноги, метнулся к балкону, настежь распахнул дверь, подставляя бледное до синевы лицо лунному свету, и глухо взвыл. То был не рык ярости, а отчаянный вопль человека, которого сжирала изнутри неимоверная боль.

Не смогла удержаться на месте и сделала попытку приблизиться. Тёма поймал меня за руку и отрицательно помотал головой, не стоит, мол.

О, я прекрасно понимала, сколь опасен его хладнокровный родственничек, но дурацкое стремление обогреть всех страждущих пересилило сигналы инстинкта самосохранения. Встала у демона за спиной, просунула руки под мышками и обняла за грудь, прижавшись щекой к лопаткам. Голые ноги лизнул декабрьский холодок.

Слов у меня не было. Не могла вообразить, какое детство выпало на долю сыновей Асмодея, однако догадывалась, что хорошее встречалось им крайне редко.

Потом вдруг вспомнилось, как Зар ходил за мной по пятам и раздавал указания, когда сестра скинула на меня заботы о своих детях. Демон явно не понаслышке набрался опыта в общении с двухлетними малышами.

Он ответил моим мыслям. Хм, как всегда.

– Я не искал этого опыта. Он нашёл меня сам – тогда, когда я меньше всего был к нему готов.

Первые сто лет я провёл в чертогах отца. Там нет места детской наивности: в аду каждый учится выживать, а уроки жестоки. Я впитывал знания, как губка: изучал древние грымму-ары, разбирал механизмы сделок, оттачивал искусство манипуляции. Для меня дети были... абстракцией. Слабые, доверчивые, уязвимые. Не то что мы – рождённые в пламени и тени.

Когда я наконец вырвался на поверхность, мир ошеломил меня. Не красотой – хаосом. Люди жили так, словно каждый день мог стать последним, но при этом умудрялись находить радость в мелочах. Я наблюдал, изучал, пытался понять их логику. И однажды... однажды всё изменилось.

Я поёжилась от холода. Ступни стали казаться заиндевевшими, они потеряли чувствительность. Зар замолчал, стремительно вывернулся в кольцо моих рук и внезапно улыбнулся. Не соблазнительно, порочно или нахально, а как-то по-простому, дружески, что ли. Ловко поднял меня на руки, подхватив под коленями и лопатками, усилием чёртовой телепатии закрыл балконную дверь и, не спуская странно тёплого взгляда с моего лица, понёс в спальню.

– Это было в старом приюте на окраине города, – заговорил он вновь, когда укутал меня в одеяло едва ли не до самой макушки, и сел рядом с задубевшими ногами. – Дождь лил как из ведра, а я прятался под навесом, обдумывая следующий шаг в своих планах. Вдруг дверь приюта распахнулась, и наружу выбежал мальчик лет семи. Он не заметил меня – просто стоял и смотрел на дождь, раскинув руки. Потом засмеялся. Искренне, безоглядно.

Я замер. Этот смех... он пронзил меня насквозь. Не было в нём ни страха, ни расчёта, ни горечи – только чистое, незамутнённое счастье.

Он заметил меня, стушевался, но не убежал. «Ты мокрый», – сказал просто. «Как и ты», – ответил я. «Но мне нравится», – улыбнулся он.

Мы проговорили час. О дожде, о звёздах, о том, какими бывают на вкус разные сорта яблок. Он задавал вопросы – десятки вопросов – и слушал мои ответы с таким неподдельным интересом, словно я рассказывал величайшие тайны мироздания.

В тот момент я понял две вещи: первое, дети видят мир иначе – сквозь призму любопытства и доверия, которых так мало осталось во мне; и второе, именно это доверие делает их невероятно хрупкими.

С тех пор я стал приходить в тот приют. Сначала редко, потом чаще. Научился слушать, а не только говорить. Научился отвечать на вопросы, которые ставили меня в тупик: «Почему небо голубое?», «Что чувствует кошка, когда её гладят?», «Как выглядит любовь?»

Я учил их читать, рассказывал истории (конечно, слегка приукрашивая), помогал решать мелкие конфликты. И они... они научили меня видеть. Видеть не схемы и расчёты, а живые эмоции, искренность, способность радоваться малому.

Иногда, глядя на них, я думал о матери. Как она могла оставить нас? Как могла предпochсть свою миссию семье? В эти моменты ярость вскипала во мне, но дети... они словно гасили этот огонь. Их доверие, их вера в добро заставляли меня сдерживаться, искать ответы не в гневе, а в понимании.

Теперь я знаю: дети – это не слабость. Это сила. Сила, которую нужно защищать. И если мать не смогла защитить нас, то я, по крайней мере, могу защитить их.

Гнетущая тишина повисла между нами. Всё ёрничество и нахальство, направленное в его адрес, вдруг показалось мне каким-то кошунственным. Подумать только, демон, плоть от плоти одного из самых ужаснейших порождений преисподней, вдруг оказывается покровителем сиротского приюта, любимцем детворы и тем, кто умеет растолковать назойливой ребятне, как выглядит любовь.

– А как она выглядит, Зар? Любовь, я имею в виду. Ты вообще когда-нибудь любил?

Он не поднял глаз. Похлопал меня по ногам, после чего вышел из спальни. Вернее будет сказать, сбежал.

Зато на свободном краю развалился Тёмка. Вытянул крепкие ноги, подпёр голову рукой и заговорил без предисловий:

– А я боготворю нашу мать. Для меня она – последняя нить к чему-то настоящему. Я помню её руки, лечащие раны; её голос, рассказывающий сказки на языке древних духов; её улыбку, когда она ещё помнила, как ею пользоваться. И верю, что в промежутках между приступами она всё ещё там, вместе со всей её любовью и внутренним светом. И если остальные отступили, я всегда буду приходить, держать её руку, шептать имена звёзд, пока она снова не вспомнит, кто она. Для меня она не разваливается – она собирает себя, и я готов быть тем, кто подберёт каждый осколок.

Забалтывая, он придвинулся почти вплотную, прижался губами к моему виску и доверительно сообщил:

– Ты очень напоминаешь мне её, Стась.

Так я и заснула, убаюканная ласковым шёпотом Тёмы и встревоженная душевными ранами Зара.

Глава 11

Последний день восхождения начался в крошечной тьме. Часы показывали 3:17 – время, когда сон особенно крепок, а разум цепляется за тёплые обрывки сновидений. Но мы уже были на ногах: проверяли снаряжение, пили горячий чай с имбирём, упаковывали последние вещи. В палатке царил полумрак, освещённый лишь тусклым светом газовой лампы. Её дрожащее пламя отбрасывало причудливые тени на стены, будто предупреждая: впереди нас ждёт неизвестность.

Я попыталась затянуть шнурки альпинистских ботинок до предела – так, чтобы стопа была зафиксирована намертво. Не тут-то было. Оказалось, что за ночь я не только не отдохнула, но ещё больше обессилила. В сознании медленно всплыло упоминание о каверзах гипоксии: на высоте более пяти тысяч метров организм не восстанавливается, в воздухе недостаточно кислорода, отсюда вялость и полная потеря естественных навыков.

Зарычала в бессилии. Тёмыч тут же присел рядом, ловко зашнуровал мою обувь, щёлкнул «кошками», вставляя их на место. Звук эхом отозвался в тишине. Он тренькнул меня по носу и ободрил улыбкой:

– Отставить нюни, Стась! Остался последний рывок.

Потом методично проверил мои карабины, перебирая их один за другим, словно манкировал чётками. Зар молча укладывал в рюкзак запасные верёвки и термосы с чаем – на случай, если спуск затянется.

Мы вышли из штурмового лагеря, когда небо на востоке едва тронули первые оттенки рассвета. Холод пронзал до костей, но я откуда-то знала: через час после начала движения кровь разгонится, и мороз отступит.

Тропа, знакомая по акклиматизационным вылазкам, теперь казалась враждебной. Каждый камень, каждый уступ будто проверяли нас на прочность. Мы шли молча, сосредоточенно. Дыхание вырывалось белыми клубами, оседая инеем на шарфах.

На высоте 5 800 м воздух стал ещё разрежённое. Я чувствовала, как сердце стучит в ушах, а лёгкие работают с натугой, будто пытаются втянуть в себя всё убывающие молекулы кислорода. Зар, идущий впереди, периодически оборачивался, проверяя, как я держусь. Кивала, мол, всё в порядке. Но внутри уже нарастала тревога: тело начинало сдаваться.

– Ещё немного, – ободрил Тёма, уловив мои панические мысли. – Главное не сбиваться с ритма. Шаг, вдох, шаг, выдох.

Я повторила про себя его слова, превратив их в мантру. Шаг. Вдох. Шаг. Выдох.

Через час мы столкнулись с первым серьёзным испытанием – широкой трещиной, пересекающей ледник. Её края были скрыты под снежным настом, и только ледоруб, вонзившийся в край, показал: под нами пропасть.

Зар, осмотревшись, нашёл узкий мостик из уплотнённого снега.

– Я пойду первым, – сказал он, закрепляя верёвку за отвесную ледяную стену. – Если что – страхуйте.

Он двинулся осторожно, распределяя вес, будто шёл по натянутому канату. Мы следили за ним, затаив дыхание. Когда он благополучно перебрался, я шагнула следом. Под ногами хрустел снег, а где-то внизу, в глубине, слышался отдалённый гул – будто сама гора ворчала от нашего вторжения.

Ветер усилился. Он бил в лицо ледяными порывами, заставляя прищуриваться. Очки запотели, и я ненадолго остановилась, чтобы протереть их. В этот миг мир вокруг словно замер: только свист ветра и бесконечный белый простор.

На той стороне ледяного провала усталость стала невыносимой. Каждый шаг требовал колоссальных усилий. Я чувствовала, как мышцы ног дрожат, а руки, держащие ледоруб,

немеют от напряжения. Блондин в оранжевой парке лёгкой походкой ступал впереди, прокладывая путь, я плелась следом, цепляясь за верёвку, как за последнюю нить жизни. Тёма замыкал процессию и не давал мне окончательно сникнуть.

– Стась, – окликнул он, – посмотри наверх.

Подняла голову. Вершина была уже близко – острый гребень, пронзающий небо. Она казалась недостижимой, но в то же время – реальной.

– Мы сможем. Сумеет! – подумалось с остервенением. От идеи прошептать эти слова я сразу отказалась. Силы ускользали моментально.

Мы продолжили подъём. Ветер теперь выл, как разъярённый зверь, а снег летел в лицо, слепя и обжигая. Я шла, сосредоточившись только на следующем метре пути. Шаг. Вдох. Шаг. Выдох.

На высоте почти в шесть километров начался самый сложный участок – крутой ледяной склон. Кошки скользили, и каждый раз, когда я пыталась закрепиться, сердце замирало от страха. Тёма вбивал ледоруб, проделывая ступеньки, а Зар страховал меня, держа верёвку натянутой.

– Не смотри вниз, – скомандовал он. – Только вперёд.

Отрешённо кивнула. Впереди были только лёд, ветер и бесконечное небо.

Последние метры мы преодолевали почти ползком. Силы иссякали, но где-то внутри горел огонь – упрямый, неукротимый. Я думала о том, как много мы прошли, о холоде, ветре, страхе и о том, что сейчас всё это становится частью нас.

И вот мы на гребне.

Время остановилось.

Зар обнял меня за плечи:

– Смотри, Станислава. Это твоё. Весь мир у твоих ног!

Я замерла. Сначала была тишина. Абсолютная, всепоглощающая тишина, в которой не было ничего: ни ветра, ни мыслей, ни страха. Только биение сердца, гулкое, мощное, отдающееся в каждой клеточке тела.

Потом – свет. Солнце, вырвавшееся из-за облаков, залило вершину золотым сиянием. Снег вспыхнул мириадами искр, ослепляя, заставляя зажмуриться. Но я не хотела закрывать глаза. Я жадно впитывала каждый оттенок этого невероятного момента: лазурь неба, белизну снега, тёмные силуэты далёких пиков на горизонте.

И тогда пришло ликование – не скромное, сдержанное, а яростное, всепоглощающее, как горный поток. Оно вырвалось из груди хриплым криком, который ветер тут же уносил вдаль. Я вскинула руки вверх – не для фото, не для показухи, а потому что тело само требовало выразить эту бурю.

– Мы сделали это! – голос дрожал, срывался, но я кричала снова и снова, пока не закололо в горле.

Я повернулась к братьям. Их лица, обветренные, покрытые инеем, светились такой же безудержной радостью. Тёма схватил меня за плечи, рассмеялся, и этот смех звучал как музыка – чистая, искренняя, победоносная. Зар обнял нас обоих, и на мгновение мы стали единым целым – тремя каплями в океане этого грандиозного момента.

Я опустила на колени, сняла перчатку и провела ладонью по снегу. Он был холодным, настоящим, моим. Это не сон, не фантазия – я стою на вершине. Здесь, на высоте, где воздух режет лёгкие, а солнце обжигает кожу, я чувствовала себя... живой. Не просто живой – все-ильной.

Слезы текли по щекам, но я не стеснялась их. Это были слезы не слабости, а освобождения. Все страхи, сомнения, минуты, когда хотелось развернуться и уйти, – всё это осталось внизу. Здесь, наверху, были только я и моя победа.

Я дотронулась до скалы. Камень был шершавым, ледяным. Прошептала, скорее себе, чем моим провожатым:

– Я смогла. Я здесь.

Ветер подхватил мои слова, разнёс их по вершинам. И в этот миг я поняла: это не конец. Это начало. Начало новой меня. Той, которая знает: если ты смог подняться сюда, то сможешь всё.

Я запрокинула голову, подставив лицо солнцу. Его лучи согревали, ласкали, будто поздравляли. Я рассмеялась, громко, от души, и этот смех эхом отразился от скал. Горы слушали. Горы видели. И они признали моё право покорительницы вершин.

Больше не было ни прошлого, ни будущего. Осталось только сейчас – миг чистой, безудержной эйфории. Миг, который я буду хранить в сердце вечно.

Ветер стих. В этой тишине горы говорили с нами, напоминая: мы не покорили их, лишь пересилили самих себя и на некоторое время возвысились на ледяном массивом. И в этом была великая милость мироздания.

Спускаться стали, когда солнце уже поднялось высоко. Мы двигались медленно, экономя силы. Каждый шаг отдавался болью в мышцах, но внутри царило странное спокойствие. Я оглядывалась назад, на вершину, и видела её уже иначе – не как врага, а как учителя.

И тут я проснулась и чуть не зарыдала от отчаяния. Серьёзно? Вот как решила позабыться эта парочка генераторов тестостерона и запредельных фантазий?

Перевела взгляд с потолка на расслабленную физиономию Зара.

– Твоя идея?

– Моя, – раздался из-за спины расслабленный голос Тёмы. – Увидел у тебя на телефоне заставку с Эверестом, а на книжной полке целое собрание сочинений об альпинизме, решил, что тебе понравится.

Тяжко вздохнула. Демоны и их ухаживания.

– А слабо по-настоящему... – закусила палец, плотно задумавшись над тем, чего действительно хочу попросить. – Устроить что-нибудь вроде турпоездки?

– Давай начистоту, – Зар привычно нахмурился и закинул руку за голову, привлекая моё внимание ко всем мускулам обнажённого торса, – нам вовсе не трудно вывезти тебя в Гималаи. Но для этого нужна энергия. Очень много энергии, Станислава, – другой рукой он коснулся моей коленки и невесомо повёл вверх, не то щекотая, не то распаляя желание самой напроситься на ласку.

Вмиг сникла и легла обратно. Обратилась к встроенным в потолок светильникам.

– Ты прекрасно знаешь, что этого не будет. Не с вами обоими. Вообще себе этого не представляю.

– Так, может, нам помочь вообразить? – пришёл на подмогу Тёма и оставил лёгкий поцелуй у меня на плече.

– А если я хочу выбрать кого-то одного?

– Мы вроде договорились говорить начистоту, – напомнил Зар. – Но даже если бы ты действительно этого хотела, второй из нас никуда не денется. И устоять не сумеет. Такова природа инкубов.

Нда, положеньице. С этими мыслями поплелась на кухню, где завела тесто на блинчики. Появившегося Тёмку озадачила приготовлением творожной начинки. Зара заставила мыть посуду. Он пыхтел и вздыхал ровно три секунды, потом получил от меня поцелуй в щёчку и живо схватился за мыльную губку.

– То-то же, – похвалила капризулю и вернулась к выпеканию блинчиков.

– Я тоже требую свою награду, – занудил Тёма. – Даром, что ли, ложкой работаю?

Сняла румяный кругляш со сковороды и со вздохом вознаградила шантажиста поцелуем.

Вы только посмотрите на нас со стороны, чинное семейство под черновым названием «я и мои демоны».

– Кстати, давно хотела у тебя спросить, – обратилась к Тёме. – Тот вампир и врач в одном флаконе, Семён как-то там... Ты сказал, вы однокашники. Учились где-то вместе?

– Да, лет так-эдак сто назад я попал в Академию Тёмных Сил. Не спрашивай, зачем инкубу понадобилось образование – просто захотелось разнообразия. Старший брат свалил в неизвестном направлении, в аду я в то время был в опале, так что приходилось развлекаться на поверхности. И вот на первом же курсе меня подселили в комнату к этой блондинистой пиявке.

– Ты кто? – спросил я, глядя, как он раскладывает скальпели (зачем-то?!).

– Саймон, – процедил он. – И если ты будешь храпеть – я тебя усыплю.

Я тогда ещё не знал, что вампиры обожают тишину. В первую же ночь я решил продемонстрировать свои таланты – завёл романтический полушёпот, зажгёт свечи, начал излучать ауру соблазнения... По коридору к нашей комнате цепочкой потянулись девушки.

Саймон вскочил с кровати, глаза горели красным:

– Ты что творишь?!

– Создаю непринуждённую атмосферу, – скромно ответил я.

– Это не атмосфера, а провокация! Там же моя сестра!

Тут стоит упомянуть, что она ещё и близняшка, вот только ни разу не вампирша. Они все звали её каким-то странным словом «луминария», которое я впоследствии легко трактовал по-своему. Девчонка была отъявленной нимфоманкой. А её братец, само собой, пыжился держать сестрицу в ежовых рукавицах.

В общем, она набросилась на меня с порога. Сай кинулся нас разнимать, за что нахватал зуботычин от... Чёрт, как же её звали? А-а, точно! Кира. Ну и дралась же эта девица! С горем пополам разошлись с миром.

Остаток ночи я хохотал так, что упал с кровати. С тех пор он называет меня «провокатор» и едва ли не каждый день грозит сдать в отдел по борьбе с демонами. Но что-то нас всё же сблизило.

– Приятно слышать, что у тебя есть друзья, – улыбнулась я искренне и повернулась к трудяге, который смотрелся в углу рядом с раковиной как-то чересчур негармонично.

Массивные плечи и исполинский рост делали его похожим на шкаф, а мыльная пена на руках...

Взвизгнула, когда он опередил мои мысли и ломанулся на меня с явным намерением испачкать. Запрыгнула на диван, перебралась через Тёмку и спряталась у него за спиной.

Зара это не остановило. Сграбастал меня за шкуру и с удовольствием размазал воздушное облако пены по воротнику футболки. На этом его рука не остановилась, а почему-то сместилась к груди. Смяла мягкое полушарие.

– Мир, свали, – отрывисто пожелал он, и братец на удивление послушался, лишая меня последней защиты.

Я всполошилась. По комнате поплыл едкий запах гари. Зар, не оборачиваясь, швырнул сковороду с испорченным блином в раковину (не рукой, а телепатической силой мысли), потушил газ и продолжил буравить меня взглядом, от которого вскипело бы молоко.

Он больше не касался меня, но ошупывал глазами и выглядел при этом, как человек, балансирующий на грани. Заметила мелкие бисеринки пота у него на лбу и яростную пульсацию жилки на шее.

– Я в шаге от изнасилования, – поделился он крамолрой. – Надеюсь, ты это понимаешь.

Я могла сказать о себе то же. Если на Тёму можно просто облизываться, то с его братом выходило нечто более глубинное и разрушительное. Он бесил до чёртиков и вместе с тем воспламенял до крайности.

С трудом сглотнула и сделала малюсенький шагоч навстречу, чем полностью распоясала демона.

Глава 12

Зар пересадил меня с кухонного дивана на стол, запрокинул мою голову и жутким образом уставился на губы, словно примерялся, как получше их сожрать.

В голове было на удивление пусто. Ни развратных образов, ни понимания неизбежного, ни стремления сбежать. Я вся обратилась в ожидание и подрагивала от каждого взмаха длинных тёмных ресниц.

Он поддел края моей футболки и кончиками пальцев провёл по коже живота. Я повторила вслед за ним, только простым касанием не ограничилась. Потянула ткань вверх и вынудила Зара поднять руки.

Привыкнуть к тому, каким великолепным было его тело, невозможно. Я много чего рассматривала в прошлые разы, однако сейчас словно видела его впервые и задышалась от желания провести губами по всякой татуировке. И только прильнула к груди, как весь самоконтроль демона полетел в пропасть.

Он набросился на меня с сердитым ворчанием. Вначале на губы – сминал их своими, оглаживал языком и безвозвратно похищал дыхание. Потом хаотичными укусам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.